

Павел Иевлев

Хранители 3 Мультиверсума

Книга третья

Локальная метрика

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Сергеевич Иевлев

Локальная метрика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69451204

SelfPub; 2023

Аннотация

«Упорные наследуют землю». Выживут те, кто не сдался и не опустил руки, даже когда казалось, что смысла бороться больше нет. Третья книга серии «Хранители Мультиверсума».

Содержание

Глава 1. Артём	4
Глава 2. Иван	16
Глава 3. Артём	31
Глава 4. Иван	46
Глава 5. Артём	61
Глава 6. Иван	74
Глава 7. Артём	91
Глава 8. Олег	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Павел Иевлев

Локальная метрика

Глава 1. Артём

Ночью в посёлке выли собаки. Солировала мелкая тонкоголосая шавочка, будившая меня своим пронзительным «вау-вау-ууу», чтобы я не пропустил вступление хора. «У-у-у, вууу-вууу!» – подхватывали баритоны дворовых кабысдохов. «Ууу-ааа-ууу!» – разгонял по партитуре басовитый хорал солидных цепных кобелей, «увувууу» – издалека, но очень внушительно добавляли голоса со стороны леса. Говорят, волки прошлой зимой уже выходили к домам. «С войны такого не было!» – жалуется соседка, бабка Петровна. Люди отступают, переезжают в город, природа возвращает своё. Ну что же, скоро проверю – зима на подходе. Может, ружьё купить?

Выплеснув в ночь наболевшее, собаки замолкали, я засыпал, и – всё начиналось снова. «Вау – вау – уууу!» Чтоб вас блохи сожрали. Не выплюсь теперь. Вставал, выходил курить на крыльцо, пялился в тёмный осенний сад, думал о всяком. На душе было маятно, тухло и тяжело – хоть сам заывай. Положенной по календарю полной луны не увидел, но псы её, видимо, чувствовали волосатой задницей. Тём-

ное небо без звёзд, тёмная деревня без фонарей и тоскливое «увувууу» на разные голоса. Это и есть пресловутые «деревенские тишина и покой»? Ничуть не лучше ночных мотоциклистов на центральном проспекте. Зато гораздо, гораздо дешевле.

Печальная правда в том, что романтический «домик в деревне» – это не причуда писателя, покинувшего суетные мегаполисы в поисках вдохновения, а моя единственная недвижимость. Дом этот еще мой прадед строил, так что я «местный», хотя в последний раз был тут десять лет назад, на похоронах деда. Прописали меня не без труда – принадлежность деревни к ближним окрестностям ЗАТО¹ всё чертовски усложняет. Паспортистки в райцентре сетовали на «ужесточение режима» и тянули с согласованиями. Но утряслось как-то. Живу теперь. Печка, грунтовка, пятнадцать километров до райцентра с его селпо и пятьдесят – до города со всем остальным. Слабенький мобильный интернет, но мне хватает. Писатель пишет, читатель читает, капает на счёт денежка. Небольшая – но и жизнь тут дешёвая. Если не съедят меня зимой волки на пути в сортир, глядишь и привыкну.

К утру измаялся окончательно. Собаки затихли, но я уже не мог уснуть – бесил каждый ничтожный звук. Шуршание мышей в подполе (кота, что ли, завести?), скрипы и потрес-

---

¹ «Закрытое территориальное образование» – так называемые «закрытые города». Специальные территории с особым режимом въезда и проживания, обычно созданные для сотрудников секретных производств и наукоградов.

кивания старого сруба, чирикание первых ранних пташек в саду... Чёртова тишина как будто усиливает любой ерундовый шорох, превращая его в навязчивую акустическую проблему. Ну или нервы. Точно – нервы. Мучили абсолютно неопределенные, но дурные предчувствия, как будто приближалось что-то дрянное и совершенно необратимое. Как глупо – ведь всё дрянное и необратимое со мной уже случилось. Как назло, и интернет пропал, хотя израсходовать пакет трафика на здешних скоростях невозможно в принципе. Тут бывает – то ли ветер не с той стороны, то ли к дождю. На самом краю соты сидим, еле-еле добывает с райцентра. Чтобы нормально позвонить, а не кричать в мобильник: «Алё? Что? Повторите, вас не слышно!» – надо идти на холм, к кладбищу и нарушать покой и благолепие могильных оград. Местные ходят, а мне звонить некому.

Рассвет встретил на крыльце, сплёвывая горькую от никотина слюну и докуривая предпоследнюю сигарету. Может, бросить? Не здоровья для, чёрта мне в том здоровье, а просто дорого стало. Ну и ради бытового героизма – должна же быть в жизни какая-то трудная, но очевидная цель? «Бросить курить» тоже сойдет. Но как-нибудь в другой раз. А сейчас надо съездить за сигаретами. И за кофе. И чай кончается. И... Что-то там ещё надо было купить. Мышеловку? Или сразу кота? Коты бесплатные. Правда, его потом кормить придётся – когда мыши кончатся. Но всё не одному зимовать. Будем вместе сидеть у печки и смотреть в окно. На волков.

Нет, к чёрту – поеду в город. Шикану на последние, схожу в нормальный магазин. В райцентре хорошего кофе и чая не купишь, пейзажи пьют растворяшку и чёрную пыль индийских дорог в пакетиках. Ещё водку пьют, но не в нашей деревне. Тут одни пенсионеры остались, как Петровна, они своё уже выпили. Так что в город – как раз, пока доеду, и магазины откроются.

Завел «Делику» – старенький, но весьма проходимый микроавтобус. Моя надежда на транспортную связность. Петровна говорит, зимой раз в неделю из райцентра дорогу пробивает бульдозер, но только до крайних домов, дальше сами. Пока дизель, тарахтя, прогрелся, допил кофе. Поколебавшись, выкурил последнюю сигарету – никотин уже скоро отовсюду закапает, но как под кофе не покурить? Ничего, до города потерплю, а там куплю сразу несколько блоков чего-нибудь подешевле. Муж Петровны, покойник – она так и говорит о нем: «муж мой, покойник», – растил табак-самосад. Ну, когда не был ещё покойником, разумеется. У неё и семена остались... Жаль, кофе-самосада у неё нет. Была бы полная автономия.

Выехал со двора, припёр жердью воротину – в знак того, что меня нет дома. Хотел Петровну спросить, не надо ли ей чего из города привезти – но её вечный наблюдательный пункт на завалинке пустовал, хотя для неё было вовсе даже не рано. Не стал беспокоить. Тем более что не надо ей ничего, это просто жест вежливости. На заборе вокруг её до-

ма расселась стая здоровенных крупных ворон, размером с жирную чайку. Откуда ещё? Вроде, птицы не перелетные... Чёрные твари смотрели на меня недобро и вызывающе. «Ты не вейся надо мной» и всё такое. Идите нафиг, пернатые, а то, правда, ружьё куплю. Со следующего гонорара. Если он будет. Или рогатку сделаю. По волкам из окна стрелять.

В город двинул по прямой, срезая угол грунтовыми – благо, осень выдалась сухая, и дороги не раскисли. Так изрядно короче, километров на десять, но главное – не проезжаешь через пост на трассе. У меня страховка просрочена. Безобразие – но так уж вышло. То денег нет, то в город ехать недосуг. А гаишники как чуют – непременно остановят и проверят. Будет ещё и штраф, а оно мне надо? Перелески тускнели бордовыми красками первых дней ноября, воздух, как бывает в это время года, стоял прозрачный до хрустальности, с мучительной чёткостью обозначая скорую зиму. Было красиво и почему-то странно – ночное ощущение приближающихся неприятностей меня так и не оставило, покалывая сердце иголочками тревоги – или последствиями выкуренной за ночь полпачки дешёвых сигарет. Говорят, в такие табак вовсе не кладут, так что самосад «мужа, покойника», пожалуй, и поздоровее будет.

За час с лишним дороги не встретил никого – ни человека, ни машины. Зато несколько раз заметил бодро рысящие по пустым осенним полям собачьи стаи. Дружные и на удивление большие, они целенаправленно двигались в сторону го-

рода. Перебираются к зиме поближе к помойкам? «Не зави-
дую я городским», – гордо подумал я, как настоящий «дере-
венский». У нас, конечно, волки, но это как-то романтичнее.

Въехал в пригороды, и тут до невыспавшегося мозга до-
шло, что на посту меня никто не остановил. Небольшой го-
родок имеет закрытый статус, не так давно ещё и усиленный.
Без документов, подтверждающих местную прописку, в него
не пускают даже днём, а ночью с некоторых пор нужен спе-
циальный пропуск. И я ведь проезжал КПП, даже паспорт на
автомате достал и на сиденье кинул, но шлагбаум был под-
нят, а я рассеян. Так и проехал, не отметившись. Чёрт, да
там же никого не было!

Моргали жёлтым в ночном режиме светофоры, стояли за-
крытыми магазины, не шли по улицам люди, не ехали авто-
мобили. Я остановился, вылез и заглушил двигатель – вокруг
давящая тишина. Город полностью, вызываяще и непонятно
пуст.

– Праздник, что ли? – спросил я сам у себя вслух. Уди-
вился, насколько жалко, растерянно и не внушительно про-
звучал на пустой улице мой голос.

В деревне я выпал из круговорота социального бытия и
не следил за календарём. Достал смартфон и озарил себя
информацией, что сегодня первое ноября, плюс двенадцать,
погода солнечная, завтра возможно похолодание, курсы дол-
лара и евро стабильны, новостные заголовки, в целом, без-
мятежны, насколько это допустимо для прессы. День всех

святых, то есть, ночью был Самайн или, в другой традиции, Хеллоуин. Вот и резные тыквы в стеклянной витрине закрытого кафе. Однако вряд ли горожане всю ночь праздновали и теперь спят. Чертовщина какая-то.

Пейзаж не был абсолютно безжизненным – бродили по газону голуби, вяло чирикали воробьи, краем глаза наблюдал за ними из кустов как бы смотрящий совсем в другую сторону драный уличный кот.

– Что за фигня тут у вас творится? – спросил я у кота. – Где мои многочисленные соплеменники, готовые обменять кофе и сигареты на деньги?

Кот дёрнул ухом, отмечая, что услышал вопрос, и повёл отрицательно хвостом, показывая нежелание отвлекаться на беседу. Воробьи его интересовали больше чужих проблем. Коты вообще известные эгоисты.

– Не хочешь, кстати, переселиться в деревню? – рассеянно поинтересовался я, оглядываясь. – Дауншифтинг, природа, мыши, всё такое? Есть вакансии мышелова и полставки мурчальника.

Кот не выразил заинтересованности. Городские, что с них взять. Ну и сиди тут, воробьев гипнотизируй, жопа ушастая.

На самой границе восприятия уловил тихие звуки – где-то играла музыка. Покрутил головой, прошёлся туда-сюда – доносится из-за неплотно прикрытой двери. «Мужской клуб «Мачо Пикчерс» – бордовый дамский силуэт, наклеенный на

непрозрачное окно, намекал на стриптиз и прочие незамысловатые развлечения для праздных и озабоченных. Внутри пахло алкоголем, духами, вейпами и туалетом. Музыка – нечто бессмысленно-молодёжное, – умц-умцала из настенных динамиков, но за столиками было пусто. Недопитые стаканы, недоеденная еда, несколько дорогих телефонов на столах. Место бармена пустовало, и я без особых душевных терзаний приватизировал пачку сигарет. Не обеднеет клуб, а у меня уже уши пухнут. Я бы и кофе на халяву выпил, но не разобрался, как включить кофемашину. А музыка просто крутилась автоматически со спрятанного за стойкой ноутбука – с большим облегчением её выключил, и мир сразу стал лучше. Такое впечатление, что люди просто исчезли в самый разгар веселья, оставив вещи на столах и в гардеробе, но забрав с собой то, что было на них. При этом никаких признаков поспешного бегства или, например, организованной эвакуации – даже стулья от столов не отодвинуты. Ничего не понимаю, но мне это совсем не нравится. Какой чёрт их всех унес?

Интересно, во сколько это случилось? Светофоры в ночном режиме, то есть, после одиннадцати вечера и до шести утра. Как выяснить точнее «момент икс»? Разве что на вокзале – по прибывшим поездам. А кстати – что происходит с пассажирами прибывающих после «момента икс» поездов? Их тоже чёрт уносит? Тогда почему не унес меня? А если поезда не приходят.... Нет, что-то не нравится мне потен-

циальный вывод. Пусть это будет локальная такая «Мария Селеста», а не всемирный глобальный апокалипсец, посреди которого я один стою такой хороший. Но на вокзал я надеюсь, пожалуй.

«Делика» не завелась. Бендикс хрустел и трещал, стартер крутился вхолостую. Вот же вовремя как, а? Я давно ожидал, что стартер крякнет, он демонстрировал тревожные симптомы, но денег на замену было жалко, я всё тянул и тянул... Дотянул, молодец. И что теперь делать? Стартер на старую дизельную япономарку надо заказывать и ждать месяц – два, по наличию их не бывает. Остался я, как дурак, и без колес, и с потенциальной дырой в бюджете. Хотя о чём это я, в каком бюджете? У кого теперь запчасть заказывать? Всех же чёрт унес. Ну вообще отлично. Просто праздник какой-то. Хэппи Хеллоуин, хоть свечку себе в пустую тыкву на плечах вставляй.

Пошел дальше пешком. Вокзал откладывается – новый на окраине, до него пешком чесать умучаешься. Старый, который был в центре, недавно закрыли на реконструкцию, причем непонятно, что с ним будет – новый же есть. В общем, неважно – в конце концов, какая мне разница, в котором часу приходил чёрт за горожанами? Мне надо кофе, сигарет, чаю и свалить домой, в деревню. А чёрта пусть ловят те, кому чертей ловить положено. МЧС. Или ФСБ. Да хоть РПЦ! Кропят святой водой с пожарных самолетов или сбрасыва-

ют Святую Антиохийскую Гранату, или что там положено в этих случаях делать. Главное, чтобы меня тут уже не было. Простые деревенские волки меня на этом фоне уже как-то меньше пугают.

Пустой город сильно давит на нервы. В деревне сутками никого не видишь, но там нормально, а тут – противоестественно и потому страшно. Вздрагиваю на каждый шорох, на скрип раскачиваемых ветром рекламных панелей, на стук незакрытого окна – на все те звуки, которые в норме не слышишь за городским шумом. Издёргался весь, пока дошёл. Куда? А до круглосуточного гипермаркета. Кофе, чай, сигареты. С запасом, потому что это, кажется, надолго. Пока там ещё МЧС с РПЦ чёрта поймают и горожан вернут, а нам, сельским жителям, курить что-то надо. Самосад вот так сразу не вырастет. Остаётся вопрос, как вернуться в деревню, но его буду решать позже. Если по прямой – сорок километров, это я и пешком дойду, если припрёт.

Гипер расположен в цокольном этаже большого торгового центра. Инфернальная мясорубка потребительской активности стояла на ночной паузе – магазины дорогих, но неудобных штанов, дорогой, но бессмысленной обуви, ещё более дорогой, но непрактичной одежды, ослепительно дорогих телефонов и прочих социальных индикаторов ложной успешности стояли закрытыми. Огромное здание, полное никчёмной фигни. Да-да, речь маргинала и нищеворода, знаю. «Не

твоё, вот и бесишься». Но нам, деревенским, можно. Всего полгода, как я в деревне, но как же я вас, хипстеров городских, презираю!

Между сияющих подсветкой витрин с непроницаемыми лицами манекенов меня вдруг пробило на паранойю – а вдруг мне всё это кажется? Может, я вот так оригинально с ума сошёл? Ну, обычно людям черти мерещатся, а я, наоборот, людей не вижу. Вокруг меня ходят граждане, хлопчут, исполняют свои обязанности, на работу идут или за сигаретами, а я промеж них чешу такой, сквозь всех глядя, и думаю, что один. Ещё и не такое может наш мозг над нами учинить, запросто. Остановился, прислушался, осмотрелся, напругся – нет, никого. Но, если я с ума сошёл, то это, конечно, не аргумент. Так и пошёл дальше, не определившись – то ли мир мне мерещится, то ли я миру. А как тут поймёшь?

Гипер был точно так же пуст, как всё остальное. Ни невыспавшихся унылых кассирш утренней смены, ни охранников в нелепых фуражках, похожих на головной убор американского полицейского в представлении немецкого порнорежиссёра, ни бдительных контролёров с лицами внештатников гестапо. Горит свет, журчат компрессоры холодильников, играет тихая музыка, которая, по идее каких-то теоретиков потребительского поведения, должна стимулировать к покупкам. Что за глупость? Зачем это стимулировать? Вот мне, положим, сигареты нужны – так я их и так куплю, что под музыку, что под пение, что под танцы вприсядку. А вот

эта безглютеновая диетическая херь на полке – не нужна, хоть ты передо мной лезгинку спляши. Вот такой я умный теперь, когда денег нет. А раньше тоже брал с полки что попало, не без того.

Кстати, о деньгах. Вот сейчас я и проверю смелую гипотезу «обратной галлюцинации» – если мне мерещится отсутствие людей, то меня просто хлопнут на кассе, как магазинного несуна. Потому что чем угодно может социум пренебречь, но деньги – это серьёзно. Я решил подойти к проверке радикально, если уж палиться – так не по мелочи! Набрал хороших сигарет три блока, самого разнемого кофе в зернах, чаю элитного в пакет насыпал, и, чтобы уж наверняка – вытащил из отдельной витрины литровую бутылку самого дорогого вискаря.

И вышел через кассу, и ничего мне за это не было. Тогда я вернулся и ещё пирожков в кулинарии взял. Проголодался от нервов.

Эй, что тут происходит вообще, а?

Глава 2. Иван

Неожиданно большой проблемой оказались мыши. Когда мир сломался, они рванули в дом, как голодные монгольские орды на сытый Хорезм. Я ничего не имею против мышей. Они, в целом, довольно симпатичные. Ушки, усики, лапки – трогательно и даже мило. Мы держали как-то хомячка – так вот мыши ничуть не хуже. У меня к ним всего две претензии – они срут и жрут. Жрут то, что мы планировали съесть сами, и срут там же, где жрут. С первым можно как-то примириться, со вторым – никогда. Если бы им, как коту, можно было бы поставить лоточек-туалет с наполнителем, то мы бы, наверное, даже делились с ними едой, гладили их по пушистым спинкам и умилялись тому, как они забавно кушают, держа в передних розовых лапках кусочек сыра. Нет, вру, не сыра, сыр кончился первым, но сухой корочкой поделились бы, муки ещё много. В общем, ужились бы как-нибудь (у кота, правда, на этот счёт своё мнение). А так – нет, извините. До того, как мир сломался, я считал, что дом мышенепроницаем, но нет, просочились, как керосин. Взбираясь внутри сайдинга, отважные серые альпинисты где-то на стыке ската крыши и стены прогрызали «колбасу» углового утеплителя, ползли между кровлей и потолком второго этажа и забрасы-

вались в дом, как лихая ДШБ² – затычным прыжком в шахту печной трубы. В ночной тишине было слышно: «Пи-и-и-и!» – шлёп. Топ-топ-топ по потолку.

Приземлилась. Пошла искать своё счастье. Следующая: «Пи-и-и-и!» – шлёп. Топ-топ-топ. Кот вёл за невидимыми мышами носом, как целеуказатель радара ПВО, бесился, нервно мявкал, но достать из-за потолка не мог. Декоративный фальшпотолок из гипрока, сделанный в целях получения ровной красивой поверхности, оказался нашим слабым местом. С него мыши разбегались по нишам холодных теперь труб отопления и кабельным каналам ненужной уже внутренней локалки. Кабели были заложены при строительстве «на вырост» (с прицелом на будущий «умный дом»), но стали местом дислокации мышино-диверсионно-партизанского отряда. Ночные вылазки за продовольствием часто кончались для них печально – кот был наготове, а мы отодвигали на ночь мебель от стен, чтобы сократить возможности скрытого передвижения противника, – но на место погибшего бойца вставляли два новых. Жена каждое утро, ворча, отмывала от мышиних говен плиту, кухонные столы и шкафы. Самые ловкие ухитрялись нагадить даже в чайник. Дети быстро поняли, что забытая в комнате печенка означает ночную разборку и делёж хабара между конкурирующими отрядами южной и северной стен, финальную точку в которой обычно ставил кот. Дети приучились не мусорить

---

² Десантно-штурмовая бригада.

и соблюдать пищевую дисциплину. Впрочем, печенки тоже быстро кончились. Кот вначале отъедал мышам только самую вкусную часть – переднюю, выкладывая жопки с хвостиками возле миски для отчётности, но потом тоже понял, что пренебрегать белками и витаминами сейчас не время, и стал сжирать целиком. Хотя сухой корм ещё был – мы его, перед тем, как мир сломался, как раз закупили самый большой пакет, – но порции предусмотрительно урезали почти сразу – как только поняли, что это всё надолго.

Серьёзные проблемы с продовольствием начнутся ещё не сегодня. В подвале пять мешков картошки, крупы рассыпаны по стеклянным банкам от мышей, и круп много – одного риса больше двадцати кило. С мясом похуже – пол-ящика тушёнки, поэтому едим не каждый день. Рыбных консервов на сегодня ещё четырнадцать банок, макарон четыре кило, и три коробки по восемь ИРП-ов – солдатских суточных пайков. Они рассчитаны на молодого голодного бойца, пробежавшего марш-бросок в полной боевой, так что при нашем вынужденно малоподвижном образе жизни это как раз на двух взрослых и двух детей. Срок годности пайков ещё полгода, и я очень сомневаюсь, что мы проживём так долго.

Мы об этом не говорим – морально-психологическая обстановка во вверенном мне подразделении и так оставляет желать лучшего. Даже кот скучает. Сначала ему нравилось – мыши, охота, веселье... Но потом и мыши кончились. Видимо, снаружи они все помёрзли, а внутри постепенно пе-

реловил, осталась парочка самых хитрых и ловких, настоящих мышинных ниндзя. Теперь кот грустит, что нельзя выйти погулять, как он привык. Регулярно мявчит у порога гнусным голосом, требует выпустить, кричит: «Свободу домашним животным!», но, когда я выхожу за дровами, высунет нос за порог – и немедля возвращается обратно, трясая застывшими ушами. Потом, поев и поспав для снятия стресса, начинает проситься снова – думает, что это безобразие уже кончилось. Но нет, не кончилось, конечно. Мы, наверное, кончимся раньше.

Младший в свои пять переживает только о недоступности Ютуба с новыми сериями мультиков. Когда мир сломался, мобильный интернет пропал. Радио и телевидения тоже нет, как и сигнала GPS со спутников. Впрочем, на DVD-дисках целая прорва кино и мультиков. Мы смотрим их вместе, каждый условный вечер – всё же какая-то культурная программа. А так больше читаем по углам, каждый со своего ридера – кроме Младшего, он пока только осваивает печатное слово. Хорошо, что мы при ремонте квартиры вывезли сюда все бумажные книги из города. В крайнем случае, ими можно топить печку.

Старшая в свои тринадцать – одна сплошная подростковая депрессия. В этом возрасте и так довлеет мучительное «кто я и зачем я?» и «обоже, у меня ТОЛСТЫЕ НОГИ?!!», а теперь ещё и вся социализация похерена. Есть ли жизнь вне Интернета? С кем кокетничать, с кем дружить, в кого влюб-

ляться? Мотает нервы. В первую очередь матери – на меня-то где прыгнешь, там и отскочишь. Срывается на Младшего, который со скуки бывает навязчив. «А-а-а! Она меня пнула!» – «А чего он ко мне лезет, чего?». У одной злоба, у другого рыдания. Давит обстановка. Особенно с тех пор, как мы потеряли второй этаж и Василисе больше негде толком уединиться. Приходится спать в коридоре у печки. Это самое тёплое место в доме, но и личного пространства никакого. Тяжело. А кому легко? Вру ей, что всё непременно скоро закончится, а после того, как она со скуки прочитала столько книг, ей по литературе не то, что пятёрку – памятник поставят. Конный, на гранитном постаменте во дворе школы.

Дважды в день мы запускаем генератор, чтоб пополнить аккумуляторы автономки, закачать насосом воду из скважины, продуть дом принудительной вентиляцией и зарядить все гаджеты, от моего ноутбука до дочкиного айфона. Всплываем, так сказать, на перископную глубину. Айфон старый, поза-позапрошлой модели, но она держится за него, как за якорь нормального. Артефакт несломанного мира. Читать удобнее с ридера, интернета нет, но она гоняет на нём пару простеньких игрушек. Сидит в своём углу у печки и тычет пальцами в экранчик, завесившись от нас волосами – изображает собой символ отрицания реальности. Сейчас даже в туалете надолго не уединишься, холодно. Дверь закрывается строго на тот момент, когда он используется по назначению, в остальное время стоит нараспашку, для теп-

лообмена. Иначе моментально остынет, и трубы замёрзнут. Засидевшись там, рискуешь примёрзнуть к унитазу.

Канализация ещё работает, как ни странно. Я ожидал, что септик промёрзнет, и у нас будут большие проблемы, но, видимо, слой снега работает теплоизоляцией, а регулярно поступающая туда по сливу горячая вода поддерживает плюсовую температуру. Подвал начал подмерзать, приходится открывать люк, чтобы попадал из дома тёплый воздух. Фундамент утеплён и отсыпан окатышем пемзы, холод подбирается к подвалу снизу. Это тревожный симптом – значит, почва уже глубоко промёрзла и септик тоже в опасности. Каждый день выливаю в трубу ведро нагретой на печке воды, не знаю, поможет ли... Если бы сразу укрыть люки и почву утеплителем, но кто знал? Теперь уже до них не добраться – тепло, идущее от септика, подтопило снег снизу, и он образовал ледяную броню. Хорошо хоть, трубы глубоко и в теплоизоляции. Будем лить кипяток и надеяться на лучшее. Душ теперь – недоступная роскошь, купаемся в корытце, поставленном в ванну. Потом этой же водой моем посуду, только споласкиваем чистой – посудомоечная машина, разумеется, недоступна тоже. Вода греется на печке в вёдрах. Ничего страшного, наши деды только так и жили. Греть воду электричеством, как было до того, как мир сломался – недопустимая роскошь. Топлива для генератора осталось около семидесяти литров, хотя вначале было почти двести: пятьдесят в баке генератора, сорок пять в баке машины и пять канистр по двадцать

литров. Вначале казалось, что всё это не может быть надолго, и бензин жгли активнее. Теперь экономим, конечно. Свет с аккумулятора по параллельной, низковольтной линии на светодиодные светильники. Они задумывались как аварийные – электричество тут и до того, как мир сломался, часенько отключали. Ненадолго, но регулярно. На генератор наскрёб не сразу, поэтому первой запасной системой была низковольтная. Я для неё с машины снял дополнительно еще один аккумулятор. Черта теперь в той машине? Когда сообразил слить бензин и снять батарею, пришлось уже копать к ней тоннель. Второй тоннель – к дровнику. Он очень важен, поэтому, когда снег встал выше моего роста, и дорожка превратилась в подснежный ход, я обдул его газовой тепловой пушкой. Свод и стены схватились льдом, стоит прочно. Когда идёшь за дровами с фонариком, то лёд красиво переливается в луче света, вид необычный и почти праздничный. Сначала даже «гуляли» там, чтобы хоть как – то выйти за стены дома, но теперь каждый поход – как выход в открытый космос. Несмотря на слой снега сверху, температура в тоннеле ниже, чем могут показать наши градусники, имеющие оптимистичный минимум в минус пятьдесят. У нас же не Оймякон и не Норильск, тут, пока мир не сломался, и минус тридцать раз в год на три дня случалось. А теперь наверху, над снежным покровом, спирт замерзает. Я утешаю себя тем, что спирт не совсем чистый, так что там всего градусов семьдесят – восемьдесят... В тоннеле к дровнику спирт ещё не

замерзает, в нем теплее – воздухообмен с домом, пришлось пробить отнорки к вентканалам. Принудительная вентиляция работает через рекуператор, сберегая тепло, но всё равно потери неизбежны.

Вот и ещё один повод для «выхода в космос» – скалывать лёд на выходе рекуператора. Часть влаги уносит в трубу печка, но всё равно остаточная влажность воздуха достаточная, чтобы за сутки обмерзло. Пока генератор работает, канальные вентиляторы обновляют воздух в доме, а потом выходишь сколоть лёд. Тоже моцион всё-таки, хотя одеваться приходится сурово. Рукавицы поверх варежек, надетых поверх перчаток... Космонавту в открытом космосе и то ловчее орудовать, но деваться некуда. Надо следить за выхлопом генератора – его трубу пришлось наращивать кустарно и быстро, срез оказался ниже уровня снега, так что я приспособил наскоро отодранную водосточную трубу. Она разогревается, снег подтаивает, потом замерзает, труба деформируется, сползает... Упустить это дело легче лёгкого, а последствия будут летальны – выхлоп пойдёт в генераторную, оттуда в дом... Во всех жилых комнатах висят электронные детекторы CO₂, а у печки и в генераторной – датчики CO. Они дважды уже спасали. Кстати, пока я тут «в открытом космосе», один, сам с собой, признаюсь – это относительно лёгкий способ умереть. Лучше, чем замёрзнуть. Я-то знаю. Не могу не думать, что мне, возможно, придётся выбирать для моей семьи способ смерти. Я живу с этим не первый день. Это по-

что непереносимо. Но пока «почти» – живём дальше.

Жена плачет ночами. Самая гадкая разновидность мужской беспомощности – когда женщина плачет, а ты не можешь ничего сделать. Я многое умею, но не в моих силах починить сломавшийся мир. Тяжело ей. Живём в вечной полутьме, на аварийных лампах, в относительном холоде – держим плюс восемнадцать, экономим дрова. Я на службе ко всему привык, но Света моя легко мёрзнет. Всегда дразнил её «зябликом», ей комфортно при двадцати пяти и выше. Мне после службы в Заполярье всё кажется жарко, и мы раньше не раз препирались по этому поводу. Не всерьёз, конечно. Мы никогда всерьёз не ругаемся. Когда-то я ушёл в отставку, чтобы она никогда больше не плакала, глядя в море с холодного берега, и мы долго-долго были счастливы. И даже теперь среди чёрных мыслей одна светлая – мы всё-таки вместе.

Чёрт с ней, со службой. Эти «десять лет в стальном гробу» – не самые приятные воспоминания в моей жизни, хотя и не самые паршивые. Мне часто снится, как мы лежим на грунте, и не можем продуть балласт. Реактор ещё работает, в отсеках тусклый аварийный свет, опреснители выдают воду, регенераторы – воздух, на камбузе полно еды – но отсек за отсеком заполняет вода, и всем понятно, что, если не произойдёт чуда, то тут мы и останемся. Эх, БЧ-5, маслопупие моё... Там была уверенность, что тебя ищут и надежда, что найдут раньше, чем ты вдохнёшь в последнем пузыре под

переборкой стылой забортной воды...

После службы я строил чужие дома, чтобы построить свой. Ушибленный Заполярьем, очертеневший от тесноты стальных отсеков, поселился подальше от людей, на отшибе, купив недорогую развалюшку с заросшим участком. Перспективы на газ не было, так что греться пришлось дорогим электричеством. Чтобы не разориться на нём, дом строил «энергоэффективный» – его можно и в одиночку возвести, если руки из нужного места растут. Получился настолько хорош, что даже холодной осенью отапливается чуть ли ни одним дыханием. Но живы мы до сих пор благодаря моей мудрой жене – она запретила мне разбирать оставшуюся от старого дома печку. «Зачем она нам?» – спорил тогда я, – «У нас электрический котёл и тёплые полы. У нас для уюта камин в гостиной! Печка слишком мала для нового дома! Она усложняет проект!». Жена настояла – небольшая, но фактурная печка ей нравилась. И что бы мы теперь делали с электрокотлом? Живём вокруг печки, она греет две спальни и коридор, но часть тёплого воздуха попадает в остальные помещения первого этажа, держа там плюсовую температуру. Гостиную подтапливаем камином. Второй этаж мы потеряли – наш первый затопленный отсек. Старшая очень не хотела уходить из своей комнаты, да и мне кабинета было жалко. Мы ждали спасателей, жгли сигнальные лампы, думали, что нам только «день простоять, да ночь продержаться». Но холодало быстро, а снег, покрыв первый этаж, на вто-

ром остановился посередине окон. Видимо, весь кончился – температура упала так, что влага в воздухе уже не держится. Для первого этажа снег сыграл роль дополнительной теплоизоляции, но на второй его не хватило, и теплопотери оказались слишком велики. В сарае лежали упаковки утеплителя, предназначенные на стройку. Я прокопал туда тоннель, притащил в дом и разложил пеноплекс в два слоя по полам второго этажа. Перекрыл воду, слил унитаз, и, демонтировав перила лестницы, закрыл проём большим листом ОСБ. Задраил затопленные отсеки.

Ничего ценного там не осталось – голая мебель. Когда дрова кончатся, и до неё дойдёт очередь – достанем. Книжки, постели, одежду – всё перетаскили вниз. Стало немного тесновато, но это ничего. Переставил в спальню и свой компьютер из кабинета. Он, в отличие от ноутбука, прожорлив, зато на нём можно играть. Теперь у Старшей два часа в день скромного счастья – пока работает генератор, она гоняет свою эльфийку-лучницу по игровым просторам. Хотя бы там ей есть куда пойти. Лишние триста-четыре ватт, но ничего, не жалко. Когда приходит время глушить генератор, она чуть не плачет, зато есть чего ждать. Создаёт иллюзию смысла, структурирует время, дает поводы для обсуждений – Младший, сидя рядом, переживает за героиню, да и мы с женой с интересом слушаем рассказ о её приключениях. Событий у нас тут, мягко говоря, немного, а новости – не радуют.

Узких мест два — топливо для генератора и дрова. Из этих двух проблем бензин меня волнует меньше — в нашей борьбе за живучесть мы можем даже полностью потерять генерацию и всё равно выжить. Из критичных функций на неё завязана только водоподача — насосная станция в подвале закачивает воду из глубокой скважины в два пятидесятилитровых гидроаккумулятора. Это удобно, но, если что, на улице полно снега. Будем топить его на печке, как-то проживём. Правда, из света останутся одни батарейные фонари, но батареек у нас много. Больше, чем понадобится на оставшееся нам время.

Дрова — другое дело. Мы не планировали жить при печном отоплении, у нас их не вагон. Пара кубов пиленного-колото́го дуба в дровнике. Мы думали, что это на несколько лет уютного сидения у камина со стаканчиком хереса, а оно вон как вышло. Сейчас дровник опустел уже наполовину, а температура, как я полагаю, продолжает падать. Измерить мне её нечем, но наверху, на поверхности снежного покрова, замерзают бензин и спирт, но ещё не замерзает ацетон. Это значит, что минус семьдесят минимум, считая, что спирт у меня градусов 95. Это ещё не космический холод, в Оймяконе регистрировали минус семьдесят один, а на полярной станции Восток и все минус восемьдесят. Но этого достаточно, чтобы даже мой прекрасно изолированный дом сильно терял тепло на разнице температур. Это всё же дом, а не космическая станция. Печку с некоторых пор топили аккурат-

но, но часто — я ночью вставал на вахту, подбрасывал дрова. Кончатся дрова — вымерзнем за сутки. Ну ладно, ещё день-два можно жечь мебель, потом книги, потом греть тепловой пушкой — газовый баллон для кухонной плиты полон, готовим мы на печке, — но потом всё.

Я не рассматриваю вопрос, надо ли нам выживать, если мир сломался. Я просто буду бороться до последнего, я так устроен.

Мы живём на отшибе и не особенно общались с соседями, но это пригородный дачный посёлок, ещё не перешедший в коттеджный, зимуют тут считанные семьи. В основном, пенсионеры, и у них газ, который почему-то никак нельзя было дотянуть до наших выселок. Теперь газа нет, а значит, нет и их самих. Кажется, кроме нас вообще никого нет. Мы долго ждали, что нас придут спасать или к нам придут спасаться. Жгли сигнальную лампу над крышей, но никто не пришёл, теперь уже не ждём.

Из-за газа в посёлке никто не держал запас дров. Однако у одного из соседей, заядлого банщика, поленница для бани. Довольно приличный объём, не меньше нашего. Правда, берёза, от неё копать и дёготь, но тут уж выбирать не приходится. Будем чередовать с дубом, чтобы выгорало. Наш шанс — как-то эти дрова достать. По прямой до его дровника метров... три стандартных участка по диагонали, плюс два проезда — итого примерно сто двадцать. Ерунда вроде, но к этому добавляется пять метров снега. Вопрос на засыпку — ко-

пать напрямик тоннель или идти поверху? По тоннелю удобно таскать – нагрузил в тачку и пошёл. Но на пути тоннеля два забора – рабица теперь не в моде, у всех стальные из профлиста. Резать? Ладно, допустим. У меня есть аккумуляторная болгарка, если ухитриться сохранить её тёплой, то, может быть, и прорежу. Второе – куда девать снег из стодвадцатиметрового тоннеля? Это много, очень много снега. До какой-то степени он уплотняется, но не настолько. Значит, его надо выкидывать. Куда? Только наружу, на высоту пяти метров. Как? Вообще не понимаю. Нет идей. Прожечь тепловой пушкой ледяной коридор? Не хватит мне газа на сто двадцать метров. Да и как выдержать направление, которое я могу определить довольно приблизительно? А вот если выбраться наверх, то там ровная снежная поверхность, из которой торчат столбы и крыши, даже в нынешней темноте не заблудишься, если с фонариком. И вообще, открывается поле для маневра – не дровами же едиными. Где-то в трёх километрах трасса, на выезде стоит продуктовый магазин, а на другой стороне – заправка. Это еда и бензин. Дрова, еда и бензин – и мы можем жить дальше. По крайней мере, пока на замёрзшую снегом воду не ляжет замерзший снегом воздух. Какая там температура замерзания? Минус двести? Не помню. В справочнике вахтенного офицера этого нет, а в Интернете уже не посмотришь.

Значит, первая задача – подняться на поверхность, пройти сто двадцать метров, найти нужный дом, прикинуть, где

его дровник, разметить дорогу в снегу. Как потом до него докопаться, а тем более перетаскать дрова – это уже следующая задача, до неё ещё дожить надо. Шаг за шагом, одну мелкую задачу за другой – так и справимся постепенно. Не можем не справиться.

Дорога на поверхность у меня уже проложена – я её называю своей «потёмкинской лестницей». Наклонный тоннель с вырубленными лопатой ступеньками заканчивается небольшим выходным отверстием, которое я закрываю листом пеноплекса. Благодаря этому в тоннеле на несколько градусов теплее, чем наверху. Ступеньки лестницы, так же, как пол тоннеля, посыпаны пеплом из печки и обдуты газовой пушкой, так что они и прочные, и не скользкие. (Ну, по крайней мере, пока не стоит задача перетаскать по ним тонну дров). Отодвинув лист теплоизоляции, посветил фонариком на бутылки – с белым льдом спирта, жёлтым льдом бензина и все ещё жидким ацетоном. Ничего не изменилось. У нас это сейчас идёт за хорошие новости. Иногда мне кажется, что наша печка – единственный источник тепла на планете.

Глава 3. Артём

В апокалипсисах я профессионал. Я про них столько книжек написал, что стыдно перед информационным полем Вселенной. Читатель любит апокалипсисы – чтобы весь мир в труху и герой на обломках... Кассовый жанр, порожденный состоянием общей тревожности общества. Люди читают выживалочки ради развлечения, но как бы и в подсознательном поиске рецептов спасения «если что». Ну а я их пишу, паразитируя на социальных страхах. Про себя называю «пиздецами». Это еще не самое дно беллетристики – ниже, у самого плинтуса, расположились «литрпг» и «попаданцы» – но близко к тому. Я написал пиздецу про зомби, пиздецу про вирусную пандемию, две небольших пиздецомочки про ядерную войну и развесистую пиздецомину с продолжениями про удар метеорита, сдвинувшего к херам земную ось. Так вот, в каждой пиздеце читатель трепетно ждёт сладостного момента – мародёрки! Брошенные магазины, ничейные склады, опустевшие квартиры манят читателя своей доступностью. Он легко представляет себя на месте героя, готовый грести ништяки с двух рук. И я, как автор, ему, разумеется, такую возможность даю – иначе он продолжение не оплатит, и мне будет кушать нечего.

Но вот сижу на скамейке посреди пустого торгового центра, ем пирожок с капустой, запиваю соком и понимаю, что

ничего мне, собственно, не нужно. Кофе, вот. Сигареты. Чай. Пирожок я уже съел. Можно ещё пирожок, но, в принципе, наелся. Может, позже. Одежда на мне есть, обувь тоже, изнасятся нескоро. Всё остальное – наведённый морок социального. На кой чёрт тебе даже самый дорогой телефон, если позвонить некому?

Достал свой дешёвый, убедился, что сети нет. Убрал обратно. В деревню хочу. Домой. Отчего-то мне казалось, что, стоит мне вернуться в старый деревянный дом и закрыть за собой дверь на щеколду, всё, оставшееся с другой стороны двери, не будет иметь значения. Наладится как-нибудь само собой.

Кстати, то, что я пишу пиздецома, никак не увеличивает мои шансы на выживание в апокалипсисе. Я не специалист по выживанию. Я не знаю никаких секретов и тайных способов. Я всё выдумываю. Худший способ спастись – вести себя, как мои герои, потому что они существуют только для того, чтобы за их историю заплатил капризный, избалованный изобилием сетевой графомании читатель. Мой школьный учитель литературы не гордился бы мной сейчас. Ну и чёрт с ним – я даже не помню, как звали этого старого мудака.

В общем, жизнь в очередной раз опровергла литературу – я сижу посреди апокалипсиса, ем пирожок и думаю, что даже такое маловероятное стечение обстоятельств не дало мне

никаких дополнительных возможностей. Впрочем, нет – да-
ло. Я могу закурить прямо в холле торгового центра. Что и
проделал с некоторой даже торжественностью. Нет, мой чи-
татель за такой сюжет не заплатил бы...

Страхивая пепел в цветочную вазу, наблюдал за соба-
чьими растусовками. Перед стеклянными автоматическими
дверями постепенно собиралась группа довольно причудли-
вого состава – кроме бродячих городских в ней были и по-
родистые особи. От мелких карманных гавкалок до внуши-
тельного зубастого ротвейлера. Не похоже на обычную дво-
ровую стаю – слишком много и слишком разные. Собаки це-
ленаправленно толклись у дверей, скребли по ней лапами,
кучковались у входа. Может быть, им не нравился я. А может
– нравился продуктовый гипер внизу. Вид у них был, надо
сказать, какой-то недобрый. Хорошо, что автоматика дверей
на них не срабатывает.

Говорят, бродячие собаки опаснее волков. Умнее и людей
не боятся. Опасаются, здраво оценивают соотношение сил,
понимают последствия – но не боятся. Поэтому, если решат,
что им за это ничего не будет – нападут. Даже сытые напа-
дут, просто так. Впрочем, они не бывают сытыми. Я следил
за их действиями сначала с праздным интересом, а потом
уже и с опасением. Их стало как-то очень много – навскидку
уже полсотни разнокалиберных псин. Надо будет через дру-
гой выход уходить, а то у меня даже палки завалящей нет –
только пакет с кофе, сигаретами и бутылкой. Пойти что ли

в спортивный магазин, битую бейсбольную стащить? Есть же там биты? Это мячики и перчатки никому не нужны, а на биты спрос в народе имеется. В рабочих кварталах каждый первый – бейсболист...

Не успел. Здоровенный чёрный пес неизвестной мне породы вскочил на спины столпившихся у дверей собак, подпрыгнул – и сенсор сработал. Стекланные створки разъехались, и внутрь хлынула мохнатая орда. Они так целенаправленно ломанулись в мою сторону, что я не стал проверять, свернут ли к продуктовому. Магазин этажом ниже, а я – вот он. Восемьдесят кило свежего мяса, которое очень хочет жить и потому чертовски быстро бегают. Я, наверное, поставил мировой рекорд по рывку с места из положения «сидя на лавочке с сигаретой». Практически телепортировался через весь холл к пожарному выходу, который, слава пожарнадзору, оказался открыт. Я захлопнул дверь буквально перед носом чёрного пса, успев подивиться на его крокодилий оскал. Разве у собак бывает так много зубов? И таких больших? Это же тираннозавр какой-то! Ну, или мне так показалось, когда его челюсти щёлкнули возле моей задницы. Я припёр дверь спиной и огляделся – заблокировать её было нечем, задний двор молла оказался возмутительно чист. Даже кирпича завалящего нигде не лежало. Завели тут европейские порядки, а я страдай.

Не стал дожидаться, пока собаки сообразят нажать на ручку и открыть – после трюка с сенсором я ожидал от них худ-

шего. Рванул бодрой трусцой в сторону улицы, раздумывая на бегу, что день окончательно перестал быть томным. Хорошо хоть пакет с бутылкой сберёг. Мне точно понадобится что-нибудь успокоительное перед сном. Чёрт побери, если я хочу вернуться домой, то пеший марш-бросок выглядит в новых обстоятельствах плохой идеей. Я припомнил виденные по дороге сюда собачьи стаи в полях и понял, что размышления о бессмысленности мародёрки следует временно признать ничтожными. Мне срочно нужен автомобиль!

Я не склонен к противоправным действиям вообще и к покушениям на чужое имущество в частности. Это не окупается вдолгую. Рано или поздно общество предъявит тебе счёт, и он перекроет все ситуативные выгоды криминала. Однако текущие обстоятельства выглядят достаточно формсмажорными, чтобы пренебречь потенциальными последствиями. Возможно потом, когда всё наладится и в город прибудет кавалерия – прибудет же она когда-нибудь? – я пожалею об этом, но сейчас машина становится вопросом выживания. Верну потом. Авось примут во внимание чрезвычайность обстоятельств. Осталось придумать, где её взять.

Машин вокруг было полно. Вот буквально плюнуть некуда, чтобы в машину не попасть – горожане всю пользовались бесплатной до утра парковкой у обочин. Поскольку на работу офисный люд сегодня не спешил, то они так и остались стоять плотной, бампер к бамперу, вереницей глянцево-

го разнообразия. Но толку от этого чуть – потому что они, разумеется, все закрыты. Я мог бы, наверное, сломать замки и одолеть сигналку на какой-нибудь трахоме постарше, но это долго, нервно и нужен хоть какой-то инструмент. Нет, не вариант. Мне бы так, чтобы сразу с ключами. Где машины хранятся с ключами? Разные есть варианты, но самый очевидный – автосалоны. Место, где граждане лезут в кредитную кабалу, чтобы потом оплачивать штрафы, налоги и бесконечно дорожающий бензин. Нет, я им не завидую. Ну, почти. Но почему бы и не зайти раз в жизни в автосалон? Почувствовать себя таким «потребителем»? Конечно, менеджеры не кинутся ко мне, улыбаясь шире ушей, с предложениями скидок и «зимней резины в комплекте», но я и без скидок обойдусь. Сегодня предложение превышает спрос. Ну, или я так думал. Пока не упёрся в закрытые двери дилерского центра «Митсубиши».

У меня не сложилось особых предпочтений по производителям. Хоть моя «Делика» – неплохой автомобиль (или был таковым в своей далёкой молодости), я толерантен к брендам. У меня ни на одну новую машину денег нет, будь она выпущена в Японии, Америке или на ВАЗе. Автосалон с красными ромбиками просто ближайший. Возле него стоят тестовые машины, обклеенные рекламой себя, но ключи от них где-то внутри. В каком-нибудь столе какого-нибудь менеджера, сидящего под табличкой «Запись на бесплатный тест-драйв». Как-то я протупил этот момент, забыл, что чёрт

всех унес ночью, как нечистой силе и полагается. Разумеется, ночью все двери закрыты, и только дремлет внутри какой-нибудь сторож. Проблема.

Глупо – я пришел сюда с мыслью о хищении чужого имущества в особо крупных размерах, но ломать дверь мне почему-то категорически претило. Как будто стоимость сло-манного замка что-то значила на фоне тех миллионов, что сейчас машина стоит. Причудливо устроено наше бессозна-тельное. Но пока я рассматривал внутренности салона через стеклянные стены, решение приняли за меня – из дворов на улицу стали подтягиваться собаки. Не могу сказать с уверен-ностью, те же самые, что были в торговом центре или другие, но нездоровый интерес ко мне они испытывали не меньший. Я занервничал – псины меня конкретно окружали, блокируя все пути отхода. Пока я колебался, их уже стало достаточно, чтобы идея силового прорыва с последующим бегством пе-рестала казаться исполнимой. Догонят и завалят, как волки оленя. И сожрут так же. Нет, мои читатели точно не оцени-ли бы такую концовку. Написали бы в комментариях: «Что за отстой, верните мои деньги!». Все хотят ассоциировать се-бя с героем, который всех врагов победил, грудастую блон-динку спас и её благодарностью немедленно на дымящихся ру-инах поверженного зла воспользовался. С позорно сожран-ным помойными шавками придурком у читателя, разумеет-ся, никакого душевного родства не ощущается. Хотя вероят-ность оказаться таковым у него куда больше. Как вот у меня

сейчас.

– Подите нахер, блохастые! – сказал я, как мог, грозно. – Я вам не собачий корм!

Собаки не впечатлились. Они считали, что как раз корм. А у меня, как назло, было слабовато с аргументами – ведь битую так и не взял. Хотя их уже столько, что никакая бита не поможет. Тут нужен пулемет такой, с которым бегают всякие накачанные супермены в голливудском кино – чтобы много стволов и всё крутится. Поэтому я кинул в стаю пакетом. Тем самым, из супермаркета, где кофе, сигареты и виски. Бутылка разбилась, произведя незначительное и недолгое замешательство среди обрызганных дорогим вискарем особей, а я воспользовался единственным доступным предметом – урной у входа. Урна оказалась антикварная, времен Империи – чугунная, перевёрнутым колоколом, такая тяжёлая, что в первый момент мне показалось, что она прибита к асфальту и мне конец. Но нет, адреналин творит чудеса – поднял и швырнул в стеклянную дверь, породив пушечный звук и водопад осколков. Внутри заметался между столами, выдерживая и выворачивая на пол ящики, но ключи оказались в специальном настенном шкафчике, который я заметил случайно.

Шкафчик был закрыт и, когда в разбитую дверь начали прыгать собаки, я просто сорвал его со стены и вlepил им по башке первой прыгнувшей на меня шавке. Вторая вцепилась мне в левую голень, неглубоко, но адски больно. Я отоварил

её углом шкафчика и, освободившись, запрыгнул в ближайшую машину, пачкая кровью белый кожаный салон. С первой попытки прищемил дверью собачью башку, выпнул её раненой ногой, захлопнул снова. Всё, я в домике.

Нога, правда, болит зверски. Кстати, прививки от бешенства теперь делать некому. Но есть и хороший момент – у бешенства длинный инкубационный период и до первых симптомов я, возможно, не доживу. Потому что собаки отнюдь не считали, что «концерт окончен, всем спасибо, все свободны». Они плотно набились в автосалон, превратив его в собачий вольер. Кажется, полны решимости тут навеки поселиться. Какая-то мелкая лохматая гадость уже лопаёт печеньки с клиентской стойки и вообще чувствует себя как дома. А у меня болит нога, в ботинке хлюпает кровь, и нет еды и воды. И бутылка с виски разбита зря. А главное – сигареты пропали. Что-то меня не радует игра «кто кого пересидит» на таких условиях.

– Ну конечно, тебя только не хватало! – сказал я вслух, когда явился Главный. Главный пёс, который чёрный и большой. Не знаю такой породы, но совсем немаленькому «Паджеро» он заглядывал в салон, не поднимаясь на задние лапы. Гладкошерстный, уши торчком, хвост длинный, и пасть как у карьерного экскаватора. Вот зачем люди таких заводят? Почему не ограничиться той-терьером или, в крайнем случае, спаниелем? Он же, небось, жрет, как три меня, а на прогулке за ним надо следить, чтобы не подавился соседкой

с первого этажа.

– Р-р-рыы! – сказал пёс.

– Хрен тебе! – показал я ему палец из-за стекла.

– Клац! – лязгнули по стеклу зубы.

Вот и поговорили.

Замочек на шкафчике с ключами символический, я про-вернул его бутылочной открывалкой с карманного «виктори-нокса». Четвёртый по счету ключ подошел, машина издала мелодичную трель, оповещающая о включённом зажигании, и завелась. Собаки возмущённо забегали вокруг, но я не спешил радоваться – уехать я мог только на метр вперед или на полтора назад. Селектор на «R» – парковочный радар противно запищал, предупреждая меня о грядущих неприятностях и заткнулся, когда я раздавил его датчики о бампер стоящего сзади «Аутлендера». Трёхлитровый мотор напрягся, буксанил по полу полным приводом на пониженной, и, под скрежет кузовного железа, «Аутлендер» поехал, пока не упёрся в стену. Теперь вперед – какой-то красный кроссовер из новых, не знаю модель. Удачно стоял под углом, отодвинул его почти без проблем, только фара осыпалась. Назад – теперь можно сдвинуть второй аутлендер, ещё не мятый, увеличив сумму ущерба на миллиончик-другой. Божечки мои, из писательских роялти я буду расплачиваться до тепловой смерти Вселенной. Собаки бесновались, надрываясь в истошном лае, а я с изяществом слона в посудной лавке расталкивал автомобили к стенам, освобождая место для разгона. Упёрся

носом в борт последней небитой машины, включил заднюю, и, прижав голову к подголовнику, продавил педаль газа до пола. Тяжёлый внедорожник на освобожденных дорогой ценной десятках метров успел набрать достаточно инерции, чтобы вынести кормой секционные ворота въезда. Их алюминиевые планки вылетели из направляющих, а машина стала немного короче, лишившись заднего стекла и вдавив запаску в заднюю дверь. Но я не зря задом разгонялся – все важное у неё спереди. Так что крутанул не без пижонства «полицейский разворот» и, крикнув «выкусите, шавки», – рванул с места преступления, совершённого с особым цинизмом против имущества юридического лица. Но меня больше заботил тот факт, что в машине я был не один.

Когда в салонном зеркале я увидел крокодилью пасть на черной морде, то, мягко говоря, удивился. Когда эта тварь успела запрыгнуть в выбитое заднее окно? А главное – как пролезла-то? Теперь целеустремленно пытается сократить дистанцию и буквально сопит мне в ухо. Спасает только то, что здоровенная, как теленок, псина никак не может втиснуться между потолком и спинкой заднего сиденья – подголовники мешают. Рвёт когтистыми лапами обивку, клацает зубами в неприятной близости от моей шеи. И пугающе близка к успеху. Я резко, в пол, затормозил. Инерция торможения ей помогла – туша преодолела-таки задний ряд, рухнув носом на пол между сиденьями и теперь, злобно рыча, пытается вывернуться из нелепой позы «хвостом кверху».

От сиденья только ключья летят.

– Ах ты, сука! – с чувством сказал я, хотя это, кажется, был кобель. – Ну, вот что ты ко мне привязался?

– Рррр-гав! Рррр! – пёс упорно выворачивался из тесноты между сиденьями. Вот же здоровая тварь какая!

– Ну, ты конкретно напросился, – констатировал я, без надежды на понимание. Тезис «ты сам виноват в своих проблемах» и до людей-то плохо доходит.

Врубил заднюю и, въехав на тротуар, резко, до удара, прижал машину кормой к стене дома. Выскочил, закрыл дверь и заблокировал замки с ключа. Всё, теперь из неё не вылезти, не нажав кнопку разблокировки на двери. А это вам не под сенсор прыгнуть.

– Пока-пока!

Собака яростно бесновалась внутри, от злости раздирая зубами пахнувший мной подголовник водительского сиденья, билась об двери так, что тяжёлая машина раскачивалась, оставляла слюнявые следы на стекле – но выбраться не могла. А я остался с тем же, с чего начинал – без машины, кофе и сигарет. Минус укушенная нога, которая болела всё сильнее. Когда отпустил адреналин, я понял, что наступать на неё очень больно, и я теперь не то, что бегать – ходить могу с трудом. Поэтому следующим пунктом моего увлекательного путешествия стала аптека – на своё счастье круглосуточная, что сберегло ей замок на двери. Я был с ней деликатен – брал только то, что стояло в витринах, без лишнего варварства

открыв их ключами, лежавшими рядом с кассой. Снял за-
скорузлые от крови штаны и ботинки – открывшаяся карти-
на не радовала. Икра опухла и покраснела, зубы покусавшая
меня шавка явно не чистила. Хорошо хоть прокусила неглу-
боко. Промыл перекисью, обработал края раны йодом, нало-
жил повязку, пропитанную мазью с антибиотиком и обезбо-
ливающим. Надеюсь, этого хватит, поскольку мои познания
в медицине закончились. Нога теперь тянула и дергала, как
больной зуб, но терпеть можно. Насыпал в карман куртки
антибиотиков и анальгетиков, какие знал, а больше ничего
не придумал. Если собака была бешеная – мне конец. Вак-
цину от бешенства в аптеках не держат, где её искать – без
понятия. Я достал телефон и ещё раз убедился, что интернет
не работает. Зверски хотелось курить и кофе. И выпить.

Сберегая ногу, присвоил в аптеке трость. Совершенно
неизящную, отнюдь не придающую мне романтического
шарма – но удобную, как раз для таких полуинвалидов. Так
и поковылял, пытаюсь поменьше наступать на ногу и посиль-
нее опираться на палку. Жалкое и совсем не героическое
зрелище. Всего полдня апокалипсиса, а меня уже собаки по-
грызли. А дальше что будет? Вороны заклюют?

Больше всего меня бесила полная непонятность происхо-
дящего. Как опытный теоретик пиздекомы я был возмущён
непрозрачностью жанра. Что за апокалипсис такой дурац-
кий? Был бы это, к примеру, зомби-трэш, по улицам бродили

бы живые покойники, а грудастая блондинка в заляпанной кровью майке на тонких бретельках отпиливала бы мне бензопилой укушенную ногу. Быстро и решительно, пока зараза не дошла до мозга. К счастью, у типичного читателя пиздецом мозга нет, и он не знает о скорости кровообращения и бессмысленности таких ампутаций. Если бы это была вирусно-пандемическая пиздецома, то покойники вокруг бы не бродили, а лежали, тихо пованивая. При этом город был бы окружён карантинными кордонами, сжигающими из огнемётов всех выживших, а я тащил бы на себе блондинку – нулевого пациента, чтобы из её крови сделать вакцину. Если бы это была военно-полевая пиздецома, то город бы лежал в радиоактивных руинах, а я бы воевал с мародёрами за последний склад противогазов, необходимых мне, чтобы вместе с блондинкой-лейтенантом спецвойск добраться через заполненное мутантами метро до тайного бункера с кодами от последних ракет. Совершенно целый, но при этом абсолютно пустой город ни в один сценарий не вписывается. И где, чёрт побери, положенная мне как главному герою блондинка?

Блондинку я нашел. Метров через двести. Проковылял эти метры вяло, с палочкой, но, увидев следы крови на асфальте, как-то сразу взбодрился. Блондинка оказалась за углом, в кустах возле автозаправки – видимо, бежала туда в поисках спасения. Собаки оставили от неё не очень много, но волосы были светлые и длинные. Выглядело это ужасно, пахло ещё хуже и недавние пирожки с капустой стремитель-

но меня покинули. Тело вяло догрызали несколько мелких кабысдохов, при виде меня они оскалились и зарычали, но от еды не оторвались. На моё «пошли прочь, твари» не отреагировали, а гонять их алюминиевой тростью для хромых я поостерегся. Но именно в этот момент до меня, как до жирафа, наконец, дошло – всё действительно очень плохо.

До сих пор я был в каком-то рассеянном полусознании, и происходящее не было для меня вполне реальным. Как будто я интерактивное кино смотрю. Даже укушенная нога воспринималась как досадная, но мелкая неприятность. Казалось, вот сейчас я уеду домой, и всё прекратится, мир вернётся на свое законное место... Но, глядя на обглоданный труп неизвестной женщины, я вдруг с пронзительной отчетливостью понял – не вернется. В нём что-то необратимо сломалось.

Глава 4. Иван

Я не знаю, почему *мир сломался*. Но знаю точно – когда. Это произошло в ночь на первое ноября, в понедельник, в пять часов сорок две минуты. Когда на втором этаже запищал бесперебойник, сообщая об отключившемся электричестве, я проснулся и посмотрел на светящиеся стрелки «штурманских» часов. Подождал пару минут, ожидая, что электричество включится обратно, но устройство продолжало противно пищать, и я поднялся наверх, чтобы его выключить. Выглянув в окно кабинета, я увидел, что света нет во всём посёлке, и даже фонари освещения трассы за лесом не светятся. Значит – авария большая и исправить её должны быстро. Это если на местном поселковом трансформаторе фазу выбило, то ремонтников можно и сутки прождать, а когда рубанулась линия в райцентре, то они бегают, как наскипидаренные. Поэтому я не стал запускать генератор и пошёл обратно спать, уверенный, что к утру электричество будет.

Однако когда я снова проснулся, по старой привычке в семь, не было не только электричества, но и утра. С совершенно чёрного неба крупными хлопьями падал снег.

Мы приехали в загородный дом с намерением провести тут осенние каникулы. В очередной раз обрезать деревья в старом саду, закрыть растения и клумбы, сгрести листья в компостный ящик – в общем, подготовить к зиме. Когда-ни-

будь дети вырастут, и мы переедем сюда жить совсем, но до тех пор школа и садик привязывали нас к городской квартире. Там уютно, но тесновато, и каникулам мы радовались чуть ли не больше детей. Младшему жизнь за городом пока в радость, Старшая уже начинала морщить нос. Провести неделю наедине с родителями – не лучшая с её точки зрения форма досуга. Альтернативы пока нет – слишком мала, чтобы оставлять её одну в городе. То есть, конечно, она так не считает, но ещё не набралась достаточно подростковой козлиности, чтобы упереться рогом до скандала. Очень скоро мы, если доживём, будем жрать полной ложкой все прелести пубертатного подросткового бунта (ох, я в своё время ураганил!) – но ещё не сегодня. Погода была прекрасная, последние солнечные деньки осени, плюс десять, ни облачка. В последний день гуляли по берегу реки, любовались прозрачной холодной водой, наслаждались тишиной – сезонные дачники разъехались, посёлок пуст. Поужинали, мы с женой выпили вина и легли спать. А утро следующего дня не настало.

В первый день мы даже не очень испугались. Удивились – это да, досадовали на долгое отключение света – тоже было. Старшая расстроилась из-за отсутствия интернета – он не появился, даже когда я запустил генератор и перезагрузил роутер. Сотовая связь пропала. Младший радовался внезапному снегу, и мы с ним, несмотря на темноту, слепили пару небольших снеговиков. Мы с женой не очень хорошо себя чувствовали, но отнесли это на счёт резкого изменения

погоды. Выпили чаю с коньяком – стало легче. Я несколько раз поднимался на второй этаж и с тревогой смотрел в окна, выглядывая в снежной метели и темноте далёкие огни – но ничего не увидел. Да, было слишком темно, чтобы оправдать это погодой, такой темноты не бывает даже в полярную ночь. Но я всё равно считал, что это какое-то редкое атмосферное явление. Ну, не знаю, как двойное солнце, только наоборот. Антисолнце какое-нибудь. Ведь раньше мир никогда не ломался.

Была мысль съездить до райцентра или хотя бы до магазина на трассе, спросить у людей, что творится, но я уже выпил коньяка, да и ехать на летней резине в такой снег не хотелось. Решили – подождём до завтра, заодно и снегопад прекратится. Ну не может же он долго длиться, не зима ещё. Посмеялись насчёт глобального потепления и отметили с детьми Хэллоуин, специально тыквы завезли. В темноте без электричества праздник вышел даже романтичнее. Сидели при свечах, вставленных в тыквы, пили чай с клубничным пирогом, слушали, как на улице, шурша, падал снег. Это придавало происходящему привкус Нового Года. Я рассказывал детям про Самайн и кельтов, про сложную историю праздника, перевернутого и присвоенного христианами, о традициях осенних праздников урожая и о язычестве. При свете тыкв это воспринималось особенно хорошо, даже скептическая по возрасту Старшая слушала, разинув рот. А был бы интернет – сразу уткнулась бы в телефон, пропуская всё мимо ушей.

Ведь именно там происходит, по мнению подростков, настоящая жизнь.

На второй день проснулись от холода – печку на ночь не топили, только камин для уюта. В доме было плюс пятнадцать, на улице – минус пятнадцать. Снег все ещё падал, засыпав нас до середины окон, стояла крошечная тьма без единого проблеска. Ехать куда-то было уже поздно. С трудом проломившись в снегу по уши до сарая, достал лопату и с тех пор с ней не расстаюсь. Вот и сейчас расширил ей лаз на поверхность, чтобы не только голову высунуть, но и самому вылезти. Стараясь не смотреть вверх, пробежался по поверхности снега ярким лучом «тактического» фонарика – дома ближних соседей одноэтажные и над белым сверкающим покрывалом торчат только коньки крыш. Проезды можно определить по верхушкам столбов, идущим редкими параллельными пунктирами. Ага, мне примерно в ту сторону. Не удержался, поднял луч света в небо и опять моментально, до тошноты закружилась голова и навалилась тяжесть.

Пока валил снег, мы ещё рассуждали о причинах происходящего – почему темно, почему стремительно холодает, где люди, электричество, радиосигналы, в конце концов? Выдумывали извержение супервулкана, затянувшие всю Землю облака чёрного пепла, прочую ерунду – катастрофическую, но объяснимую. Но когда снег выпал весь, и мы впервые посмотрели туда, где было небо – больше не строили гипотез.

Просто мир сломался.

Смотреть в текучее чёрное ничто, которое нависло над нами, невозможно. Мы привыкли видеть над собой облака или тучи, луну или солнце, звезды или полярное сияние. Там, над головой, должно что-то быть. Когда там нет ничего, это не просто страшно, это непереносимо физиологически. Вестибулярный аппарат отказывается работать.

Пришлось спуститься обратно в тоннель и закрыть лаз листом утеплителя. Впрочем, я успел понять то, что хотел – снег наверху рыхлый, и я в нём проваливаюсь. Нужны снегоступы. Кроме того, надо что-то придумывать для дыхания. По житейскому опыту кажется, что, если при минус сорок у тебя уже звенят в штанах яйца, то при минус восемьдесят ты просто сразу треснешь, как стеклянный стакан. Однако это не так – в мороз опасна не сама температура, а влажность и ветер. Сейчас наверху воздух совершенно сух и неподвижен, ни ветерка, а значит, теплопроводность его мала. Да, если попробовать справить там малую нужду, скорее всего, станешь статуей писающего мальчика, но в хорошем тёплом обмундировании мгновенного переохлаждения не происходит. Организм вырабатывает тепло быстрее, чем оно уходит через одежду. Тут, скорее, важно не вспотеть – влага приводит к потере теплоизоляции. Я одет в комплект термобелья, поверх него шерстяные штаны и флисовая кофта, потом зимний рабочий комбинезон на синтепоне, а сверху полярная куртка-канадка с капюшоном, из толстой овчины мехом внутрь. На ногах термоноски, шерстяные носки и унты с до-

полнительным тепловым вкладышем. На голове, кроме капюшона – шапка-маска из толстого флиса и дополнительно намотан шарф, плюс горнолыжные очки на носу. Встретишь такое в темноте – испугаешься, но встретить некому. Слабое место – дыхание, такой холодный воздух буквально обжигает носоглотку. Некоторое время спасают шарф и маска, но они быстро обмерзают, превращаясь в кусок льда. Требуется техническое решение. Тут бы автономную систему с подогревом, как в космическом скафандре, или хотя бы изолирующий противогаз типа КИП-5... Но чего нет, того негде взять. Хотя идея насчёт противогаза требует осмысления.

Неожиданная проблема – статическое электричество. Вот уж чего не ожидал. Однако очень сухой воздух снаружи и несколько слоёв шерсти и синтетики на теле приводят к тому, что с улицы заходишь в дом, заряженный, как лейденская банка. Лучше ни с кем за руку не здороваться и к компьютеру не подходить. Теперь у меня входной ритуал – зажимаю в руке большую отвёртку и касаюсь ей водопроводного крана. Если держать её плотно, то разряд проскакивает между отвёрткой и краном, а не между рукой и отвёрткой. Иначе – ощутимо и неприятно дёргает.

Ещё одна новая традиция – обход помещений и приборный контроль. В каждой комнате есть термометр, надо следить, чтобы температура не опускалась ниже минимально допустимой. Самое холодное место – котельная-генераторная, мой здешний БЧ-5. Здесь стоит электрический трёхфаз-

ный котёл. Он двухконтурный, даёт заодно и горячую воду для водопровода. То есть, давал бы, если бы было электричество. Здесь же шестикиловаттный бензиновый генератор, прикрученный к полу через демпфирующие подушки. Ради него и держим плюс пять, приоткрывая периодически дверь в дом и впуская тёплый воздух. Относительно тёплый мотор расходует меньше бензина на прогрев при запуске. Здесь блок автономки – два больших аккумулятора и промышленный бесперебойник на пять киловатт, обеспечивающий сеть 220 вольт при местных блэкаутах. Котёл от него не запитается, но он и не для этого. Пока мир не сломался, его функцией было поддерживать освещение, водоподачу и работу холодильника во время кратковременных отключений. Сейчас мы его используем, чтобы запустить иногда насос, если воды в системе не хватило до следующего включения генератора. Здесь же собранная на скорую руку низковольтная станция – аккумулятор с машины и зарядник к нему. От него запитано только двенадцативольтовое аварийное освещение в доме. Светодиодные светильники потребляют немного, а аккумулятор подзаряжается при работе генератора. Здесь и мой зимний верстак для всяких мелких работ, на котором я собрался делать снегоступы. Для этого нужен электроинструмент, поэтому внеплановый пуск генератора.

Заведя двигатель, подождал, пока он прогреется и вернулся в дом, подключать всё, что требует высоковольтной сети – насосную станцию, вытяжную вентиляцию и, конечно, ком-

пьютер для дочки. Время игр!

– Пап, мы же умрём, да? – спросила Василиса неожиданно, пока компьютер загружался.

– Когда-нибудь все умрут, – ответил я как можно спокойнее.

– Я не об этом, – покачала головой дочь и посмотрела на меня пристально. Глаза у неё зеленые, яркие, как у жены. Невозможно соврать, глядя в такие глаза.

– Не знаю, солнце, – ответил я, подумав. – Но вот что я тебе скажу. Когда на нашей лодке была авария, то некоторые сказали: «Дифферент слишком большой, мы не сможем продуть балласт. Мы ниже расчётной глубины, прочный корпус повреждён, воду давит через переборки. Спаситься невозможно. Мы всё равно умрём, зачем дёргаться?» Они лежали на койках, смотрели в пóдволоку и ждали смерти. Двое даже покончили с собой, чтобы не дожидаться. Но остальные моряки не думали о том, что спастись невозможно, а делали то, что могли. Шаг за шагом, узел за узлом, трубопровод за трубопроводом восстанавливали сломанное. А потом, собрав все запасы сжатого воздуха, частично продули балласт, дифферент уменьшился, лодка подвсплыла, появился шанс, мы его использовали на полную и спаслись. Хотя те, первые, были с технической точки зрения совершенно правы.

– Ты думаешь, у нас есть этот шанс?

– Это неважно. Я буду делать, что могу, шаг за шагом. И тогда, если шанс появится, я буду к этому готов.

– Я тебя люблю, пап, – сказала Василиса очень серьёзно. Кажется, впервые с тех пор, как перестала быть маленькой девочкой, раздававшей своё «люблю» направо и налево.

– И я тебя, – так же серьёзно ответил я. И ушёл. Потому что, кажется, в глаза что-то попало... Да и компьютер уже загрузился.

Работающий генератор поднял температуру в помещении до плюс десяти, можно даже не надевать куртку. Лист ОСБ-плиты, электролобзик, дрель и ремни от старой сумки – и готовы снегоступы. Обрезки я экономно отнёс к печке. В принципе, генератор можно было глушить, но я решил дать дочке ещё поиграть. Да и жена, воспользовавшись возможностью включить нормальный свет, затеяла готовку.

– У тебя есть полчаса, – сказал я ей, подойдя сзади и поцеловав в шею. – Потом заглушу, топлива осталось немного.

– Хорошо, милый, – ответила она.

– Да, ещё... – добавил я, – тебе сверху ничего не надо? Собираюсь подняться на второй этаж ненадолго.

Жена задумалась, потом покачала головой:

– Нет. Вроде бы ничего.

Я подкинул в печку дров, чтобы компенсировать неизбежную потерю тепла и, надев куртку, шапку и перчатки, откинул люк, сделанный в плите, закрывшей лестничный проём. Тёплый воздух снизу ворвался наверх клубами пара, тут же оседая инеем на промерзших стенах. На удивление, не так уж и холодно – минус тридцать семь, если верить термо-

метру. Всё-таки, несмотря на дополнительное утепление пола, тепло снизу просачивается. У меня тут несложная задача – подключить лампочку, которая венчает антенную мачту снаружи. Мачта была нужна для получения мобильного интернета, она торчит выше конька крыши на пару метров, и на ней смонтирован серый прямоугольник 4G-антенны. А на самом её кончике я закрепил красную светодиодную лампочку, габаритный огонь от грузовика. Не знаю зачем, просто так – была лампочка, была мачта, они подходили друг другу. Может быть, чтобы было похоже на ходовой огонь. Лампочка запитывалась от роутера и сейчас, разумеется, выключена, а надо включить – в полной темноте сломавшегося мира она станет моим маяком. Для этого я перекинул питание с роутера на низковольтную линию аварийного освещения, провозившись дольше, чем рассчитывал – сращивать тонкие провода в перчатках очень неудобно, а без перчаток пальцы примерзают к кусачкам. Изоленту пришлось два раза отогревать подмышкой – холодная она дубеет и не липнет. В конце концов, справился. Теперь за наполовину засыпанным окном кабинета была не абсолютная тьма, а тьма и красный огонёк сверху. Слабенькая лампочка освещает только себя и краешек антенны, но всё равно радует. Пока я разглядывал этот жизнеутверждающий огонёк, заметил странное – с обратной стороны толстого тройного стеклопакета лёд на окне был процарапан до стекла, как будто кто-то пытался заглянуть в дом. Казалось даже, что и само стекло глубоко поца-

рапано, но это, конечно, казалось – не могла же принесённая ветром ветка – или что это там было? – повредить стекло? Хотя, с другой стороны, откуда там ветер? Воздух давно уже полностью неподвижен... Странно всё это.

Спустившись и закрыв проём между этажами, остался с ощущением какой-то тревожности. Вроде ерунда, – понятно, что там снаружи никого нет, при такой температуре никто не выживет, – а не отпускает. Надо будет посмотреть снаружи, как выберусь на поверхность. Решено – пробный выход сделаю в виде прогулки вокруг дома до того окна. Испытаю технологию выживания.

Пока генератор не заглушён, вернулся в котельную, чтобы попробовать воплотить возникшую идею. Основная проблема на поверхности не холод, а дыхание. Мне нужно как-то подогревать воздух, иначе я просто поморожу себе слизистые в носу. У меня со службы... ну, скажем, случайно завалялся изолирующий дыхательный аппарат. Баллоны, разумеется, пусты, регенеративный патрон тоже за давностью лет вызывал сомнения в своей пригодности, но мне это и не нужно. Шланги – вот на что я рассчитывал. Если удлинить трубку вдоха и намотать её под одеждой, то она будет работать теплообменником, подогревая воздух до приемлемой температуры. А трубку выдоха вывести наружу, чтобы влага от дыхания не оседала под одеждой и не нарушала теплоизоляции. Шланг от старого пылесоса, немного армированного скотча и бечёвки, чтобы закрепить это всё под одеждой. На-

тянув флисовую маску поверх резинового рыла аппарата, я стал окончательно похож на какое-то чудище из кошмаров. Оставалось проверить, как это будет работать.

– Внимание, машине стоп! – крикнул я в коридор.

Дождавшись от дочки подтверждения, что она сохранилась и погасила компьютер, выключил зажигание и перекрыл топливный кран. Навалилась тишина. Вообще я люблю тишину, но в последнее время её стало как-то многовато...

Выкинув на поверхность снегоступы, я неловко вылез из своего импровизированного люка, опираясь на них руками и коленями. Снег продавливался, но держал. Первая выявленная ошибка – ремни креплений надо делать длиннее, затянуть короткие хвостики в рукавицах поверх перчаток очень сложно несмотря на то, что рукавицы армейские, с отдельным указательным пальцем. Но кое-как затянулись всё же. Ходить на снегоступах с непривычки очень неудобно, надо высоко поднимать ногу и ставить её перпендикулярно поверхности, шаги при этом получаются неловкие, напрягаются не те мышцы, что обычно, из-за этого быстро устаёшь. Но мне и не надо пока далеко идти, всего-то прогуляться вокруг дома. Совсем небольшой поход, просто размяться и убедиться, что дыхательная система работает. На первый взгляд, идея себя оправдывала – воздух холодный, но не обжигает носоглотку. Правда, и тепло из-под одежды вытягивается быстрее, всё-таки я подогреваю дыхательную систему собственным телом, да в носу начало свербеть из-за сухости.

Но это можно перетерпеть, это всё ерунда. Зато я шел по поверхности, испытывая при этом гордость, как первый человек на Луне. Хотя вполне возможно, что я как раз наоборот – последний человек на Земле.

Видеть дом в виде половинки второго этажа, торчащей над снегом, непривычно и дико. В свете фонарика поднимающийся из печной трубы дым строго вертикален, воздух неподвижен идеально. На антенной мачте светится красный огонёк, которому предстояло в будущем стать маяком моих потенциальных странствий. Воспользовавшись случаем, постарался укрепить импровизированную выхлопную трубу генератора, утопав вокруг неё снег. Непонятно, насколько это поможет, но я не мог не попробовать. Пока обходил дом, выявил ещё один недостаток дыхательной системы – неудачное расположение трубки выдоха. Прикреплённый к капюшону гофрированный шланг остыл, и влага выдыхаемого воздуха сконденсировалась на его стенках внутри. Я это заметил, только когда трубка забилась инеем, и выдох стал затруднённым. При попытке продуть её стало только хуже – влажный воздух попал изнутри на стекла маски, и они начали затягиваться изморозью. Пошевелив трубку, я обтряс иней и задышал свободнее, но теперь плохо видел. А пока дошёл до задней стороны дома, ещё и фонарик начал быстро скисать – батарея замёрзла. В общем, так ничего толком и не разглядел, хотя что-то похожее на следы там, вроде, было. Как будто кто-то ходил вдоль стены – хотя эта линейка

невнятных ямок, которую я еле видел сквозь изморозь на стёклах в свете гаснущего фонарика, могла быть чем угодно. Правда, представить себе, какое «что угодно» могло оставить ямки в снегу, я тоже не сумел. Но мне уже было не до того – фонарик сдох, стекла обмёрзли, и я тащился обратно на ощупь вдоль дома, заодно затоптав все возможные следы, если они там и были. Под конец еле нашёл лаз, буквально сверзившись в него снегоступами кверху. На мне столько одежды, что я почти не ушибся, но, в целом, выход трудно назвать удачным. Я и пятидесяти метров не прошёл, а уже чуть не погиб – стоило промахнуться мимо люка, и я бы блуждал вокруг вслепую, пока не замёрз бы. Поход за дровами в этом свете представлялся всё более сложной экспедицией. Но я не собираюсь отступать – шаг за шагом, задача за задачей. Сделанные ошибки учту, завтра попробую снова.

Условным вечером, когда, отправив Младшего спать, сели втроём, обнявшись, на кровати смотреть старый сериал «Твин Пикс» – мы с женой после долгого перерыва, Василиса впервые, – я подумал, что миру пришлось сломаться, чтобы мы вот так собрались вместе. Нас почти постигла судьба многих современных семей – когда все друг друга любят, но не общаются. Работа съедает время, усталость от неё – отношения. Только здесь и сейчас я научился разговаривать о серьёзном с неожиданно выросшей дочерью, рассказывать, как устроен мир сыну, говорить с женой о том, на что не находилось времени раньше. Парадоксально, но даже при ма-

ячащих впереди нерадостных перспективах, я в чём-то был счастлив. В несломанном мире я бы уже, упахавшись на работе, засыпал за книжкой, жена уткнулась бы в ноутбук, а дочка заперлась в своей комнате, заткнув уши наушниками и переписываясь в соцсетях. И не было бы этих длинных разговоров за чаем, в которых я узнал о своей жене больше, чем за всю предыдущую совместную жизнь. Не было бы азартных настольных игр с шуточными препирательствами о правилах и жалобами на то, что «Папа всегда выигрывает, так нечестно!». Никто не объяснил бы Младшему, что из конструкторов можно собирать не только то, что нарисовано на коробке, и это гораздо интереснее. Если мир когда-нибудь всё же починится, надо бы не потерять это ощущение слияния. А если нет – ну что же, мы, по крайней мере, сделаем всё возможное.

Глава 5. Артём

Лопата на заправке нашлась. Ничего более смертоносно-го, к сожалению, не оказалось. Я не кровожаден, но придерживаюсь старинной максимы: «Животное, включившее человека в свою пищевую цепочку, должно быть уничтожено». Эта установка спасла нас как биологический вид задолго до появления «Красной книги» и зоозащитников.

Лопата в руках и решительный вид убедили собак оставить свою отвратительную трапезу и ретироваться, прорывав через плечо что-то вроде «ещё встретимся». Небось, за подкреплением пошли, так что надо поторопиться. Я почему-то не мог бросить труп этой женщины на доедание, в этом было что-то глубоко неправильное. Со вздохом воткнул лопату в газон рядом и, стараясь не смотреть на истерзанное тело, начал копать. Мешала покусанная нога, земля была рыхлой только сверху, а дальше пошла плотная глина, лопата оказалась не очень удобной – в общем, могила вышла так себе. Я начинающий деревенский житель, лопатный скилл пока не наработал. Расстелил на земле белую штору, сорванную с окна подсобки, лопатой перекатил на неё труп – взяться за него руками было выше моих сил, – завернул и спихнул в яму. Закидал землей, сформировал холмик, подумал, что надо что-то сказать – но не придумал, что именно. На душе было крайне мерзко, во рту как кошки насрали, да еще и мо-

золи от лопаты на ладонях.

В минимаркете заправки наконец-то обрел стаканчик кофе. Аппарат тут простецкий, просто кнопку нажать. Распечатал пакет круассанов, недобрым словом помянул запрет торговли алкоголем на АЗС. Стаканчик коньячку мне бы сейчас лучше зашел. Зато сигареты есть, уже что-то. С удовольствием нарушив запрет курения на заправках, немного успокоился и увидел то, что стоило заметить сразу – у заправочной колонки стоял автомобиль.

Не новый, но на вид ещё приличный синий пикап «Форд-рэнджер». Судя по пистолету, вставленному в бак, дизельный. Дорогая внедорожная резина – если владелец на такую разорился, то, скорее всего, и за машиной ухаживал. Теперь вопрос на миллион – забрал ли он ключи, когда пошел платить за топливо? Я никогда не забираю, оставляю болтаться в замке зажигания. Но то я. Люди бывают разные. Затушив окурок в остатках невкусного кофе, пошёл проверить. Перед тем, как выйти, огляделся через стеклянную дверь – никого. Ни одной собачьей морды. Надеюсь, они не устроили засаду кустах – это было бы уже чересчур.

Хорошая новость – ключи в машине были. Плохая – заправиться её владелец не успел. Когда я включил зажигание, загорелась лампа резерва. Совсем паршивая новость – пока я ковырялся, на заправке вырубился свет. Где-то пищал бесперебойник, компьютеры ещё работали, но насосы теперь не включить – даже если бы я знал как.

Я наивно думал, что если на АЗС многие тонны топлива, то его можно относительно просто добыть. Открыть крышку, взять ведро на верёвке... Мой герой в одной пиздеcome так и поступил, лихо начерпав себе полный бак. Теперь мне было немного стыдно – под крышкой резервуара оказался только плотно собранный узел из труб и фитингов, какие-то крапны и клапана. Люка для ведра на случай апокалипсиса конструкторы не предусмотрели. Единственная свободная труба внутрь, которую я принял за пробоотборник, имела диаметр сантиметров десять. То есть, при наличии всасывающего насоса и шланга, наверное, можно было бы что-то накачать, а так... Из подходящих по диаметру ёмкостей мне приходила в голову разве что пивная бутылка. Но она просто не утонет, ей в трубе перевернуться негде. Пробы, наверное, какой-нибудь специальной штукой берут, но я не знаю, как она выглядит и ничего похожего мне на заправке не попадалось.

В отделе со всякой мелочёвкой надеялся найти электрический перекачной насосик, чтобы присобачить к нему длинный шланг, запитать от аккумулятора, опустить в резервуар... Не нашёл – чем, вполне вероятно, уберег себя и город от впечатляющего взрыва паров топлива в подземной цистерне. Нашёл ручной шланг с резиновой грушей, для слива топлива из бака. Он навел меня на разумную мысль, что топливо бывает не только на АЗС.

Ну что же, теперь у меня была в плюсе машина, блок сигарет и кофе, который я выгреб из здешней кофеварки. В ав-

томобиле было на доньшке топлива, а кофе в зернах требовал отсутствующей у меня кофемолки, но это уже шаг вперед. Ах, да – лопату я тоже заберу. Надеюсь, больше не пригодится, но пусть будет.

Дизельных машин в городе оказалось куда меньше, чем хотелось бы. Не любят мои земляки запах солярки по утрам. Может быть, правильнее говорить «не любили», но я всё ещё надеюсь, что пресловутый чёрт утащил их живыми. Где-то они все сидят и тоскуют по своим опустевшим квартирам и брошенным машинам, заправочные лючки которых я сейчас пошло взламываю монтировкой. Проклятые конструкторы современных авто как нарочно делают баки так, что шланг в них хрен засунешь. Я уже думал, что останусь без колёс, но спасла фура. У магистрального тягача дизель и огромный бак снаружи машины, за что ему, безусловно, моя горячая искренняя благодарность. Я взмок, пока сворачивал замок на горловине, потом угваздался соляркой и теперь приятно пах натуральным деревенским трактористом. Для полного соответствия не хватало запаха перегара, но я надеялся этот временный недостаток вскоре устранить. Ближе к вечеру, когда доберусь домой. Ну а пока оставалось ещё одно важное дело.

Я никогда не имел оружия, кроме казённого автомата в армии. Я слишком ленив, чтобы оформлять все необходимые бумажки просто ради того, чтобы поставить в сейф нафиг не

нужное мне ружьё. Добывать себе мясо на еду в наших краях гораздо результативнее при помощи кошелька. Держать оружие просто «на всякий случай» не кажется мне хорошей идеей – как показал недавний опыт сопредельных территорий, в случае всевозможных социальных катаклизмов недостатка в оружии не возникает. Наоборот, в какой-то момент его становится слишком много. В пиздецомы же я до сегодняшнего дня не верил – странно верить в то, что сам же и придумал. В общем, мои вялые размышления «а не купить ли, например, ружьё» никогда не воплощались в действие. Но теперь, кажется, есть повод. Сдаётся мне, в оружейных сейчас большие скидки...

Магазин «Арсенал» встретил меня неприветливо запертой железной дверью. Но я не ожидал ничего другого и был готов. Подогнал пикап задом к окну, заложил между прутьями решётки массивный реечный домкрат, зацепил за него стальной трос, удачно снятый с грузовика, второй конец – на фаркоп. Разгон, рывок – и решётка в клубах кирпичной пыли гремит по асфальту. Вот и всё, путь, можно сказать, свободен.

Герои моих пиздецом отлично разбираются в оружии. Тактикульность – базовое требование жанра. Можно нести любую чушь о физике мира, вырезать персонажей из картона, натягивать мотивации на глобус, маскировать редкими кустами рояльную фабрику в сюжете – но не дай бог ошибиться в числе нарезов и линиях калибра. Детишки закида-

ют панамками в комментариях. Так что выживальщики мои легко и снисходительно оперируют всеми этими «сайгами», «бенеллями» и цифрами вроде «семь шестьдесят два на чего-то там». У типичного героя пиздецома даже на члене была бы планка пикатини, если бы это не переводило книгу в разряд 18+.

Так вот – я, в отличие от них, в оружии не специалист. В армии меня научили разбирать-собирать автомат так, чтобы не оставалось лишних деталей и более-менее попадать из него приблизительно туда, куда целился. А так-то я почти всю службу с паяльником в подсобке просидел. Войска связи, ничего героического. Поэтому ассортимент магазина поставил меня в тупик. Из знакомых названий – «Вепри». Их было много разных, они отличались внешним видом, ценой и буквами-цифрами после названия. Если верить почерпнутым из Интернета сведениям – они ничего так. Если верить другим сведениям из того же Интернета – полное говно. Да, это Интернет, детка. В нём одни дилетанты рассказывают другим о третьих. «Вепри» визуально походили на автомат Калашникова, и тем показались мне привлекательными – наверное, их я тоже сумею разобрать-собрать. Только магазины почему-то совсем короткие. Взял с витрины тот, что под автоматный – или очень похожий на него – патрон. «Семь шестьдесят два на чего-то там». С удобным на вид рамочным прикладом и той самой пресловутой «пикатини» на затворной коробке. Оттянул затвор, посмотрел внутрь – «калаш»

и есть. Если я правильно помнил, автоматического огня в нём нет, что, конечно, жаль. Наверное, его надо было как-то обслужить перед применением, но на вид он был вполне годен и так. Вторым стволом – мои герои всегда берут что-то «вторым стволом», не спрашивайте меня зачем, – выбрал классический «шотган». Помповый дробовик двенадцатого калибра с пистолетной рукоятью. На ценнике было написано «пр-во Турция» и выглядел он, как в американском кино – в чёрном пластике и очень внушительно. Пикатини на нём почему-то не было. Зато из такой штуки можно стрелять картечью куда-нибудь в сторону противника и почти наверняка попадёшь. Особенно, если это собаки, и их много. То, что нужно для такого неопытного стрелка, как я.

В магазине были какие-то прицелы, куча красивых и наверняка очень крутых прибайпасов для тюнинга, но я понятия не имел, что с ними делать. Что-то подсказывало мне, что насадить прицел на пикатини мало, потребуются ещё какие-то действия, без которых он будет только мушку загораживать. Поэтому я ограничил свои мародёрские действия присвоением значительного количества патронов, нескольких магазинов для «Вепря», патронташа на ремень для дробана, а также тактических штанов и ботинок для себя. Просто потому что мои пропитались кровью из прокушенной ноги, и это было неудобно. Но теперь, шавки позорные, я вам эту ногу припомню...

Драматически угнанный «Паджеро» всё так же стоял задницей к стене, но дверь была открыта и собаки там не было. Салон машины красовался располосованной в клочья обивкой, пожёванными подголовниками и огромной кучей собачьего говна. Отметилась, падла, ишь ты. Я бы предположил, что пёс случайно или даже, чёрт с ним, целенаправленно разблокировал его изнутри, но торчащий в водительской двери ключ явно указывал на внешнее вмешательство. Я этот ключ, закрыв двери, бросил на капот и ушёл. И его точно не собаки в дверь вставили.

Вообще-то я собирался пса пристрелить – для того и приехал. Это не гуманно – но не более, чем оставить его подыхать от жажды в машине. Кроме того, я отчего-то был уверен, что мою не случившуюся блондинку оприходовали на корм не без его участия. И нога опять же. В общем, это уже личное, плюс опасения того, что я не смогу уснуть дома, ожидая, что посреди ночи в окно просунется inferнальная чёрная харя. В книжке я бы оставил его для драматичности – чтобы герой побился с чудовищем на кулачках в финальной сцене, почти погиб, но как бы из последних сил... Но к чёрту литературу – мне это всё совсем уже не нравится. Даже больше, чем не нравилось до того, хотя это трудно себе представить. Существование персонажа, который выпускает такую собаку и при этом не остается лежать кишками наружу, меня совсем не радует. Один человек страшнее любого количества собак. Пожалуй, подзадержался я в городе. Пора и честь знать...

Когда выехал на трассу, в кузове пикапа уже было всё необходимое – кофе, ручная кофемолка, здоровенный пакет чая, коробка сигарет, крупы, макароны и консервы. Я перестал стесняться и откровенно обнёс первую попавшуюся торговую точку, нанеся умеренный ущерб складским запасам и изрядный – входным дверям. Просто высадил стекло ударом кузова. Вероятность того, что мне предъявят иск, представлялась всё более призрачной – в «рэнджере» стоял на удивление приличный радиоприемник с серьёзной антенной, но эфир был девственно пуст – даже на коротких волнах, где при удачном прохождении Америку можно услышать. Кажется, прибытие кавалерии откладывается на неопределённый срок. Версий, что именно случилось, у меня не было, но герои моих пиздецом уверяют, что при любых раскладах из города лучше валить. Это тот редкий случай, когда я с ними согласен – что-то там творится совсем нездоровое. А дома – печка, картошка в подвале и мыши в подполе. Уют и комфорт.

Это был длинный день. Выехал из города уже под вечер, стемнело как-то очень быстро, я устал и сжёг кучу нервов. Ехал «на автопилоте», ожидая знакомой развязки с указателем в сторону райцентра, но её всё не было и не было. Когда в свете фар появились первые городские дома, я даже на секунду подумал, что проскочил поворот и уехал чёрт-те куда, в следующий по трассе город, но по времени никак не получалось. И только указатель убедил меня в очевидном,

оно же невероятное, — я вернулся. Я въехал в тот же город, из которого выехал. Только с другой стороны. Каким образом это могло произойти при движении по прямой трассе с севера на юг — понятия не имею. Возможно, тот же чёрт, что утащил горожан, завернул трассу в кольцо. Или в ленту Мёбиуса. Или в рулон туалетной бумаги с запахом ромашки. Мне уже было всё равно — я люто, смертельно устал. Вымотался до потемнения в глазах и потери координации. Ехать куда бы то ни было просто опасно — усну за рулём и привет. Надо искать по возможности безопасный ночлег, и я даже придумал, где именно. Это место вообще первым всплывает в моей голове при слове «безопасность». И при слове «паранойя» тоже.

«Рыжий Замок» давно уже стал своеобразной городской достопримечательностью. Памятником сложной эпохи первоначального накопления капитала. Его построил себе некий крупный предприниматель, составивший в девяностых состояние на палёной водке, ворованном алюминии и безакцизном бензине. Не знаю, кто и чем его напугал в детстве, но некие специфические особенности мышления проглядывали в архитектуре и инфраструктуре этого объекта чрезвычайно выпукло.

Оставшийся неизвестным истории архитектор воспроизвёл современными средствами идею замка средневековых баронов-разбойников, которые поколениями жили за счёт

грабежа торговых караванов и соседских владений, а потому всегда были готовы к ответным визитам с лестницами и таранами. Нависающие высокие стены с зубцами огораживали просторный бетонный двор, а посередине высился настоящий донжон, со стенами два метра толщиной и узкими бойницами окон. Квадратное в плане строение ошетинилось бастионами и полукруглыми башнями, в которые просто напрашивались не то катапульты, не то орудийные расчёты. Для полноты картины не хватало только рва с крокодилами и подъёмного моста, что было с лихвой компенсировано навороченной охранной системой и массивными железными воротами. Всё это отлито из стратегического по прочности железобетона и облицовано декоративным рыжим кирпичом, за что и получило своё название.

Выкурить оттуда не желающего выйти добром владельца можно только силами пехотного полка при поддержке авиации и тяжёлой артиллерии. Однако пристрелили барыгу самым банальным образом – в кабаке. Это с одной стороны свидетельствовало о том, что паранойя его имела серьезные основания, а с другой – что от судьбы за стеной не отсидишься. Наследники покойного, промотав большую часть неправомерно нажитого капитала, охотно продали бы и пафосную недвижимость – но желающих не находилось. Земля удачно расположенного участка нравилась многим, но жить в уродливой крепости посередь города глупо, а снести её можно разве что тактическим ядерным зарядом. Наследники

уныло отстёгивали колоссальные налоги на недвижимость и регулярно снижали цену – но безрезультатно. При немалой налогооблагаемой площади жилые помещения небольшие, и дураков за это платить не находилось. «Рыжий замок» пустовал, несмотря на впечатляющую инфраструктуру – собственную артезианскую скважину, дизель-генератор с топливной цистерной, промышленный холодильник, газовые рампы, индивидуальное бомбоубежище и даже автономный канализационный комплекс, высокотехнологичный, как космолёт.

Откуда я всё это знаю? Так сложилось. Я слишком молод для мемуаров, биография моя не потянет даже на сюжет для бытового романа, но факт – я не всегда был писателем. По образованию я радиоинженер. Закончил политех, отслужил срочную и, пока ряд довольно нелепых обстоятельств не привёл меня на писательскую стезю и в деревню, успел поработать по специальности. В «Рыжем замке» я делал систему видеонаблюдения. Не один, конечно, с бригадой монтажников, но, тем не менее – немного полазить там успел. Мрачноватую цитадель трудно назвать уютной. Сочетанием бункерной суровости архитектуры с китчевой роскошью интерьеров она слегка напоминает ставку Гитлера из игры «Вольфенштайн». Но если надо пересидеть апокалипсис – лучше места не найти.

Как я и предполагал – калитка в воротах была не заперта.

Её закрывал магнитный замок, управляемый с пульта охраны, а такие системы в целях безопасности всегда делаются так, чтобы при прекращении электропитания открываться. Мало ли, может в доме пожар – а двери заблокируются. Разумеется, есть и механический замок, но закрыть его было уже некому. Если бы ни это обстоятельство, мне бы оставалось только биться головой о стальные, толщиной сантиметров двадцать, укрепленные ворота. Такое не то, что пикапом – танком не своротишь. Правда, и электропривод ворот не работал, а откатывать их вручную было тем ещё упражнением. Загнал машину во двор, закрыл ворота обратно, запер калитку на засов и, прихватив сумку с едой, пошёл в дом. Там в главном зале каминчик есть. В нём можно сосиски пожарить. Да и вообще – холодает как-то... Кончилась тёплая осень. Зима близко!

Запускать генератор было лень – умотался за день. В несколько приёмов перетаскал намародёрное в дом, растопил камин заботливо сложенными кем-то в красивую поленицу дровами, насадил на декоративную шпагу сосиски, придвинул к огню кресло, распечатал бутылочку вискарика – и почувствовал себя если не хорошо, то, по крайней мере, приемлемо. Конечно, трудно наслаждаться жизнью в таких условиях, но нужно же себя как-то заставлять!

Глава 6. Иван

По условным утрам мне больше всего не хватает кофе. И сыра. Кофе и горячие бутерброды с сыром – мой неизменный завтрак, который никогда не приедался и всегда радовал, задавая начало дня. Теперь это жидкий чай и пустая каша, как в госпитале. Детям достаётся дополнительно по ложечке варенья – увы, мы не успели наварить его много. Мы начинающие землевладельцы, наш сад либо слишком стар – в той части, что досталась нам с домом, либо слишком молод – те деревья, что успели посадить мы сами. Пара выродившихся слив да три корявых, больных яблони – вот и всё хозяйство. До того, как мир сломался, мы это варенье и не ели почти – вокруг и так было полно сладкого. А теперь – нате вам, за ложку сливового джема дети подраться готовы. Калорийность нашего рациона пока достаточна, а вот вкусоности в нём сильно не хватает...

Объявил утренний запуск силовой установки – надо проветрить дом, зарядить всё разрядившееся, накачать воду в баки, дать эльфийской лучнице шанс пройти подземелье в поисках очередного артефакта, ну и мне устранить выявленные вчерашним испытанием ошибки.

Первая – я недооценил важность света. Мы редко бываем в такой полной темноте, чтобы это угрожало нашей жизни, даже в безлунные ночи света звёзд хватает, чтобы опреде-

лить контуры предметов. Однако сейчас ситуация иная – с неба не летит ни единого фотончика, и погасший фонарь – это полная катастрофа. Критичные системы должны дублироваться дважды и трижды. Я взял повербанк для телефона – в нём восемь стандартных литиевых батарей – зарядил и убрал во внутренний карман, чтобы не добрался мороз. Провод от него вытащил наружу и подключил к ночной подсветке для видеокамеры – плоской матрице с несколькими десятками светодиодов. Хотел закрепить её на манер налобного фонаря, чтобы оставить руки свободными, но помешал капюшон. Повесил на ремешке на грудь. Получилось очень ярко, но не очень удобно – для того, чтобы посветить в сторону, нужно поворачиваться всем телом либо брать его в руки. На обычный цилиндрический аккумуляторный фонарь натянул кусок трубной теплоизоляции, закрепив его скотчем, и тоже убрал под одежду, выпустив наружу привязанный шнурок – чтобы вытащить, не расстёгиваясь. Это будет запасной источник света. Аккумуляторы при работе слегка греются, и, если теплоизоляция сохранит это тепло внутри, то он не должен промёрзнуть. Ну, я так надеюсь. И совсем резервный – «тактический подствольный». Китайский алюминиевый с креплением «под пиккатины», на одном литиевом аккумуляторе. Засунул его в трубную изоляцию потоньше и тоже подвесил на шнурке под одеждой – на самый всякий случай. Он хоть и маленький, но очень яркий и, благодаря линзе, светит далеко.

Шланг выдоха слегка укоротил и тоже теплоизолировал – теперь, по моим расчётам, кристаллизация влаги выдыхаемого воздуха должна происходить уже за ним, не забивая льдом внутреннее сечение. Получилась короткая толстая колбаса, упругая и неудобная. Чтобы её закрепить, пришлось пришивать петельку на капюшон «канадки». При свободном выдохе влага не должна, по идее, попадать к стёклам маски, но я на всякий случай примотал на дыхательном раструбе скотчем два пакетика силикагеля. Надеюсь, этого хватит, чтобы стёкла не обмерзли. На всякий случай использовал и штатный КПЗО для противогозов – нарисовал на стекле изнутри крестик, растёр сухой фланелью. Карандаш создаёт плёнку, которая слегка ухудшает прозрачность, но до определённого предела помогает от конденсата. Если мне придётся снимать маску на поверхности, чтобы её протереть – это верное обморожение роговицы и слизистых, так что лучше потерпеть лёгкий муар на стекле.

Ради эксперимента сходил в таком виде за дровами – обнаружил, что фонарь на груди висит неудобно, стоит наклониться – болтается и путается, освещая что угодно, кроме того, что надо. В остальном – приемлемо. Я обколол лёд с теплообменников вентиляции, притащил дрова – маска не обмёрзла, и шланг выдоха не обледенел, хотя капюшон за его срезом весь покрылся инеем.

Вернувшись в дом, выгрузил дрова к печке, подвязал нагрудный фонарь ещё одной верёвочкой к поясу, чтобы не

болтался, нарастил ремешки снегоступов и решил повторить вчерашний «выход в открытый космос». Чего время терять? Дров у нас больше не становится.

Со снегоступами все оказалось правильно – надел куда легче, чем в прошлый раз. С фонарём всё равно как-то не очень – светит кривовато, чуть в сторону, при ходьбе световое пятно прыгает туда-сюда, раздражая и мешая, к тому же создавая мечущиеся вокруг тени. От этого всё время кажется, что на краю поля зрения кто-то движется. Я, конечно, умом понимаю, что при таком холоде уцелели разве что самые стойкие вирусы – ну и я, конечно. Однако нервирует. Несколько раз останавливался и обводил вокруг себя лучом – разумеется, никого нет и следы только от моих снегоступов – как будто пьяный мамонт шлялся. Ничего себе я вчера причудливо на ощупь шёл! Как ещё попал в свой лаз, а не убрёл в поля... Хорошо, что красная лампочка на мачте была видна даже сквозь лёд на очках, хоть как-то ориентировался. Кстати, а где она? Только сейчас заметил, что мой «ходовой огонь на мачте» погас. Печально, это меняет планы. Хотел сразу прогуляться к соседскому дровнику, но без обратного ориентира страшновато. Тем более что я затупил и не взял с собой лопату. Вот, допустим, дойду я туда – и что? Руками копать? Ладно, обойду ещё раз вокруг дома, прогуляю снаряжение.

Кстати, не так уж и холодно. Дышать – да, тяжело, сухой перемороженный воздух карябает горло и застревает

в носоглотке, но я при этом не мёрзну, скорее, ощущаю какую-то общую враждебность среды, в которой нет места человеку. Немного похоже на работу глубоководного водолаза и, наверное, космонавта. На снегоступах по второму разу стало полегче – как-то приноровился переставлять ноги, не цепляя одну за другую. Двигаясь вдоль стены, обошёл дом и, наконец, осмотрел то окно, которое собирался вчера. Сегодня антиобледенительная система маски работала безупречно, фонарь светил ярко, и я убедился, что царапины на стекле мне не почудились. Такое впечатление, что кто-то, пытаюсь счистить иней, с усилием поскреб окно зазубренным ножом. Нет, на принесённую ветром ветку это совсем не похоже – даже если бы тут был ветер и ветки. Посветил фонарём вверх, на дым из трубы – он по-прежнему идеально вертикален, поднимаясь в луче света серым мерцающим столбиком, рассеивающимся в черноте отсутствующего неба. От этого зрелища меня опять замутило. Но всё же я заметил непорядок – коричневая металлочерепица, которой покрыта крыша, в нескольких местах блестела свежими царапинами голого металла, а кое-где даже пробоинами. Как будто кто-то взбирался на конёк в альпинистских «кошках», цепляясь двумя ледорубами. Как мы могли этого не услышать? Конечно, обратная сторона теплоизоляции – звукоизоляция, но всё же... Я припомнил, что, вроде бы, пару раз замечал странные звуки, но относил их на счёт тепловой деформации дома и схода снега с крыши. Теперь-то очевидно, что ника-

кого снега на крыше и не было – он слишком сухой, чтобы удержаться на крутых скатах, – но тогда мне это в голову не приходило. Дойдя до антенной мачты, я увидел, что она вся блестит задирами свежего металла, а провод, идущий к лампочке, порван в клочья. Как будто всё тот же безумный альпинист пытался залезть по стальной трубе, используя те же кошки и ледорубы. Залезть – не залез, но мачту теперь как будто мыши грызли. Здоровенные такие мыши с зубами из токарных резцов. Пожалуй, мне стоит вернуться в дом и хорошенько всё это обдумать.

На обед макароны со следами тушёнки и горячий витаминный напиток – разведённый концентрат из ИРП-а. Разведённый сильно жиже, чем положено по инструкции, но зато всем хватило. По полчашечки.

Жена увидела, что я чем-то озабочен, но дождалась, пока все поедят, а дети уйдут в комнату. С одной стороны, мне не хочется её пугать, с другой – игнорирование опасности ещё никого до добра не доводило.

– Ты хочешь сказать, что снаружи бродит какое-то чудовище? – жена сразу уяснила главное.

– Да, – сказал я, – как бы невероятно это ни звучало, но снаружи что-то есть.

– Оно может залезть к нам в дом?

Я подумал и вынужден был признать, что это возможно. Обычный человек с ножом без проблем выставил бы окна второго этажа, просто вытащив стеклопакет. Ну, или раз-

бил бы стёкла, если сохранять целостность конструкции ему незачем. Да что там, тут и стену проломить можно в два удара топором. У нас вовсе не крепость – дом тёплый, но не рассчитан противостоять штурму.

– Я надеюсь, – я постарался произнести это как можно увереннее, – что ему это просто не нужно. Судя по следам на крыше, если бы оно захотело вломиться в дом, оно бы уже это сделало.

– Но что оно такое?

Я мог только развести руками в недоумении – я не знаю существ, способных выжить при такой температуре. Кроме человека, конечно. Но представить себе какого-то безумного альпиниста, бродящего там снаружи в кошках и с ледорубами в руках... Нет, это тоже перебор. Тем не менее, я пошёл в кладовку и открыл оружейный сейф – ключ от него пришлось поискать, я уже и не помню, когда последний раз туда заглядывал. Что поделать, я не охотник. Ружьё досталось мне по наследству от деда, обычная гладкоствольная курковая горизонталка двенадцатого калибра. Я оформил лицензию, купил сейф, поставил оружие туда и забыл про него. Теперь вот вспомнил.

Среди патронов оказалась преимущественно утиная дробь, но всё же отыскал пять пулевых и четыре крупной картечи. Ружьё было на вид в хорошем состоянии – да и что ему делается? Курки взводились и щёлкали, бойки ходили свободно, ржавчины в стволе не видно. На всякий случай

смазал спусковой механизм из комплектной маслѐнки, протѐр снаружи тряпочкой и счѐл пригодным для использования. Показал жене, как взводить курки и переламаывать стволы для зарядания, вставил в один ствол пулю, в другой картечь и положил на шкаф в коридоре – так, чтобы жена легко дотянулась, но не достал младший.

– Вот, – говорю, – дорогая. Если услышишь, что по потолку затопало, то беги сюда, хватай ружьѐ, взводи курки и жди, пока полезет. Как только отодвинет или проломит лист – стреляй, тут не промахнёшься.

– Думаешь, поможет? – с сомнением спросила жена.

– Ну, не железная же эта штука, – ответил я с уверенностью, которой не испытывал. – Заряд картечи в упор – никому мало не покажется!

– А ты что будешь делать?

– Это на случай, если меня не будет...

– Что значит «не будет»? – подхватила жена. – И слышать об этом не хочу!

Я обнял её и прижал к себе, стараясь успокоить.

– Послушай, любимая, – я постарался говорить как можно убедительнее, – мне всё равно надо добраться до соседского дровника, как минимум. А в перспективе – и до магазина с заправкой. У нас в сарае пошёл последний ряд, такими темпами мы сожжѐм его за неделю, а дальше что?

– Не знаю! – жена кричит на меня шѐпотом, чтобы не слышали дети, но слезы, текущие из глаз, действуют силь-

нее крика. – Ты опять! Опять уходишь, а я остаюсь ждать! Ты обещал, что этого больше не будет!

На самом деле я обещал не уходить больше в море, но разве это важно для расстроенной женщины?

– Успокойся, милая, – уговариваю я. – Это каких-то сто метров, ерунда. Ничего со мной не случится!

– Ага, – не унималась жена, – а если тебя сожрёт это чудовище? Почему ты оставляешь ружьё мне? Возьми его с собой!

– Это просто для твоего спокойствия, – не сдаюсь я. – Мне ружьё не нужно, вряд ли эта штука питается бывшими моряками, мы слишком жёсткие и солёные! То ли дело пухлые мягкие блондинки!..

– Я не пухлая! – возмутилась жена.

На самом деле я не уверен, что ружьё вообще сработает на таком холоде. Смазка колом встанет, бойки не пойдут – да мало ли что ещё. Возьму с собой сигнальную ракетницу, там замёрзнуть нечему – оттянул пружину, отпустил. Это не оружие, но, если вклепить горящим комком смолы и магния, то это, как минимум, будет сюрприз. А ружьё пусть останется здесь как оружие последнего шанса.

Потренировал жену хватать ружьё со шкафа, взводить курки и стрелять – без патронов, разумеется. Раза с двадцатого стало получаться действительно быстро, так что я решил этим ограничиться, а то дети уже заинтересовались, чем это мы тут занимаемся. Младший, конечно, залип на ружьё

так, что еле оттащили. Открыто держать заряженное оружие в доме с детьми – это, конечно, полное безобразие, но у нас вся жизнь теперь такое безобразие, что дальше некуда. В разряженном же ружье я смысла не вижу – пока жена нашарит патроны, зарядит и прицелится, стрелять будет уже незачем. Так что строго объяснил Младшему, что нельзя и это такое «нельзя», которое очень серьёзное, а не «если очень хочется, то можно». Он такие моменты понимает.

Объявил внеочередной запуск силовой установки – мне надо кое-что сделать, а дети пусть отвлекутся от вопроса: «А в кого это вы собрались тут стрелять?». Василисе он вполне может прийти в голову, она же девочка. Это мальчикам сама стрельба важнее цели.

Поскольку неведомое чудище отгрызло мне маяк, то нужен новый световой ориентир. Сходу придумалось два варианта, для надёжности – электрический прожектор и... обычная свечка. Свечка не зависит от батарей и не может перемерзнуть до такой степени, чтобы не горел парафин. Ну, я надеюсь, по крайней мере. При минус тридцать они горят распрекрасно, в отличие от химических и электрических источников света. А вот электрический источник я доработал – впаяв между двух литиевых аккумуляторов проводочный десятиомный резистор и залепив стык термопастой. Всю эту конструкцию замотал в несколько слоёв теплоизоляции – получилась такая самоподогревающая система, не очень экономичная, но зато незамерзающая. Померив ток, я решил,

что светодиодный линзовый блок от фонарика будет гореть, как минимум, пару часов, а этого более чем достаточно для первой вылазки. В результате мой люк на поверхность украсила деревянная конструкция из закреплённой на листе фанеры стоящей торчком швабры. На её поперечине с одной стороны повис электрический самодельный фонарик с подогревом, а с другой – стилизованный «под стимпанк» стеклянный свечной фонарь. Изделие декоративное, но ничто не мешает применять его и по прямому назначению – в кладовке нашлось несколько «долгоиграющих» осветительных свечей. Вообще-то при таком неподвижном воздухе можно было поставить просто открытую свечу, но у меня смутные сомнения, будет ли парафин нормально испаряться и гореть на таком холоде. А в фонаре всё же циркулирует тёплый воздух.

Оба фонаря я вынес уже зажжёнными, закрепил на швабре, убедился, что они работают и, подхватив лопату, пошёл потихоньку, впервые, с тех пор как мир сломался, удаляясь от дома. Аккуратно переставляю снегоступы, стараясь ставить ноги ровно и перпендикулярно, не зарывая их в снег. Передо мной прыгает по белой плоскости пятно света. Оказалось, что соблюдать направление при этом почти нереально – как я ни стараюсь идти прямо, но однородная поверхность, темнота и отсутствие ориентиров сбивают с толку. Приходится периодически останавливаться и поворачиваться – всем телом, капюшон не даёт оглянуться, – чтобы посмотреть, где там фонари у дома. И каждый раз оказывает-

ся, что следы мои идут причудливым зигзагом, хотя мне видится, что я двигаюсь как по нитке. Какая-то аберрация восприятия – заблудиться на ста метрах дистанции как нечего делать. Тем не менее, несмотря на постоянные остановки для коррекции курса, до цели я дошёл. Передо мной – точнее подо мной, – дом того самого соседа. Ну, я надеюсь, что того самого, и я ничего не перепутал и не отклонился от направления слишком сильно. Торчащий из снега конёк крыши не имеет особых примет – тут у большинства старых дачных домиков вот такие двускатные из потемневшего шифера. Это новопостроенные коттеджи кроют металлочерепицей или модной ячеистой мягкой кровлей, но они подальше, у них свой квартал, где участки скупали пачками по дватри и стояли там этикие палаццо – да я сам часть из них и строил, зарабатывая себе на гражданскую жизнь.

От дома до бани – всего пара десятков метров, но наткнулся почти случайно, здорово истоптав снег, нарезая круги. Отсутствие неба, полная темнота с резким контрастом луча фонаря на снегу – всё это отключает внутренний компас. У меня чуть паническая атака не началась – в какой-то момент показалось, что сбился с пути и так и буду блуждать в темноте и холоде, пока не сдохну, – но тут-то и зацепился снегоступом за трубу. Крыша оказалась под слоем снега, хотя и небольшим, так что я как раз над ней кругами ходил. Дальше вступил в дело заранее продуманный план – я эту баню соседу помогал чинить, и с её конструкцией хорошо знаком.

Поэтому мне сразу пришла в голову идея использовать её внутренний объем как шахту для добычи полезных ископаемых – дров, в моем случае. Теоретически это выглядело более привлекательным вариантом, чем копать в снегу спуск к дровнику.

Сосед был мужик небогатый, но хозяйственный, строился из чего бог послал. На крышу он ему послал вторичный ондулин – вид мягкой кровли, нечто вроде шифера, но, по сути, ближе к толстому рубероиду – из прессованного картона со смолой. Вторичный он потому, что его снял при ремонте со своей крыши другой сосед, а этому, значит, на баню сгодился. Не самое лучшее, может быть, решение, но на халаву – хлорка творог. А для меня это означало, что крышу можно просто прорезать ножом. Ондулин тугой и плотный, но всё же мягкий материал.

Был.

Я не учёл, что на таком морозе кровельный материал стал твёрдым, а сталь – хрупкой. При попытке всадить с размаху в крышу хороший крепкий нож, я остался без ножа – клинок обломился у самой рукояти. Вот уж в самом прямом смысле облом... Зато массивный гвоздодёр оказался на высоте: поддев острой частью кромку листа, я потянул её на излом – и замороженный ондулин просто лопнул, как фарфоровая тарелка. Что не прорезал – то разбил, так что результат достигнут. Ножа только жалко, хороший был нож. Тем не менее, передо мной открылся доступ на маленький, зава-

ленный всяким хламом чердак, а через него – в предбанник. Правда, в люк я не пролез – он не рассчитан на человека в самодельном псевдоскафандре. Пришлось отодрать несколько досок с потолка. К счастью, тут нашлась лестница – прыгать в таком облачении совершенно не хочется, да и непонятно, как потом забираться обратно.

Мой расчёт строился на том, что из предбанника оборудован выход в дровник, чтобы те, кому не хватило жара, не бегали голышом вокруг сруба за дровами. Расчёт оказался неверен – открывающаяся наружу дверь оказалась заблокирована. Похоже, что хлипкая крыша дровника не выдержала веса снега и рухнула, придавив её снаружи. Ну, никто и не обещал, что будет легко...

Хлипкую каркасную дверь я просто оторвал, вывернув гвоздодёром петли. За ней всё оказалось не так плохо, как могло бы – кровля дровяного навеса просела только одним углом, который лёг на поленницу и не дал снегу заполнить пространство у стены полностью. В общем, дрова можно вытаскивать свободно, чем я и занялся, перемещая их охапками в предбанник и парную. Не все, конечно, – на то ещё будет время, – но и совсем с пустыми руками возвращаться домой тоже не хочется. Нужен какой-то наглядный символ успеха экспедиции для повышения боевого духа вверенного мне подразделения. Поэтому, при помощи найденной на чердаке верёвки, я вытащил наверх снятую дверь, нагрузил её в несколько ходок дровами, пробил в нижней части две

дыры, к ним привязал верёвку, превратив в примитивную волокушу, и запряг туда сам себя, как ездовую собаку. Дополнительным бонусом детям оказалась упаковка чая на травах и две пачки овсяного печенья – сосед был большой любитель банных чаепитий. Интересно, что с ним стало? Собственно, варианта два – либо в двадцати метрах от меня в доме лежит его окоченелый труп, либо, когда мир сломался, он был в городе – и тогда его постигла неведомая мне судьба горожан. Свет от города, ранее видимый на краю горизонта, пропал в первую же ночь и больше не появлялся, так что вряд ли там случилось что-то хорошее. Двадцать пять километров до него – всё равно, что до Луны, которой теперь и вовсе нет.

Обратный путь быстрее и легче – наверное, потому, что иду прямо на фонари и не петляю. В какой-то момент показалось, что их что-то заслонило, и сердце моё ёкнуло – но, скорее всего, просто показалось от усталости – тащить волоком гружёную дровами дверь оказалось тем ещё удовольствием. Она зарывается передним краем в снег, поэтому верёвку приходится натягивать вверх, но тогда в снег зарываюсь я сам. Эту сотню метров я тащусь, кажется, вечность, вымотавшись до невозможности. Успел отвыкнуть от нагрузок, оказывается. Ну и, конечно, дышу как загнанная лошадь, так что холодный воздух на вдохе вымораживает тепло из-под одежды, а на выдохе покрывает льдом выпускной патрубок. Иней всё же по чуть забирает очки маски, несмотря на на-

тирку стёкол и силикагель. Так что пока я добрался до своего спуска, опять почти ничего не вижу, и, что хуже, начал кашлять от пересохшего и подостывшего горла. Вот ещё чего не хватало – свалиться с какой-нибудь дурацкой ангиной. Так что дрова с волокуши я просто свалил вниз, как получилось, да и сам за ними ссыпался. Чай только с печеньем спустил аккуратно за пазухой, потому что трофей. Этим чаем и отпаивался остаток дня, позволив себе даже сто граммов коньячку из НЗ – в целях профилактики простудных заболеваний. Кажется, обошлось, не заболел – наверное, вирусы тоже вымерзли все к чертям.

Дров притащил не так уж и много, но на пару дней хватит. Это не просто так, это два дня жизни. Удачный, в целом, поход меня вдохновил, и в голове полно амбициозных планов по дальнейшей разработке окрестных ресурсов. Теперь главное – не обнаглеть и не зарваться, потому что любая ошибка может стоить мне жизни, а за мной – и семье. Подвернул ногу – и привет, не доползёшь по такому морозу на пузе, замёрзнешь раньше. Поэтому – только тщательное планирование и осторожность, никакого «авось».

С утра попили чаю с печеньками как аванс будущих благ – у семейства поднялось настроение, и даже объявилась некоторая бодрость. Казалось бы, ерунда какая, – кучка берёзовых поленьев, пачка чаю да кулёк печенья, а поди ж ты – позитив налицо. И дрова берёзовые пахнут иначе, и вообще первая перемена к лучшему с тех пор, как мир сломался. Я

добавил хорошего настроения детям, запустив генератор – Старшая с Младшим немедля сбежали от постылых стен в виртуальные просторы, а я в мастерскую, готовить оборудование и снаряжение для следующего похода. На этот раз я собираюсь основательно – не на разведку, а на добычу ресурса. Дети счастливы – такого долгого «генераторного времени» у них давно не было. Топлива, конечно, пожгли лишку, но я прикинул, что это окупится.

Глава 7. Артём

То, что я заснул прямо сидя в кресле, понял только, когда в нём же проснулся, отлежав себе примерно всё. Камин потух, было темно и холодно. Я не то чтобы выспался, но мне стало лучше, даже нога почти не болела. Подсвечивая себе телефоном, выбрался на улицу с целью сброса избыточных жидкостей и поразился полной, какой-то запредельной темноте. Ни звезд, ни луны, ни фонарей – как на известной картине «Ночью афроамериканец незаконно присваивает неэкологичное топливо». Такое ощущение, что небо затянуло тучами из графитового порошка, и они как будто движутся там, чёрные на чёрном. Меня аж замутило. На землю падал и сразу таял лёгкий снежок. Ничего себе, как резко начался ноябрь... Пожалуй, если я хочу добраться до дома, то лучше поспешить. А то ляжет снег – и всё, без бульдозера не проедешь. А где теперь тот бульдозер? Не буду дожидаться утра, поеду.

Пока мотор прогревался, я перекидал вещи обратно в кузов, прикрыл брезентом от снега. Прикинул, нужно ли мне что-то ещё – и не сообразил. Вроде бы ничего. Осторожно выглянул в приоткрытую калитку, посветив найденным в комнате охраны мощным фонарем – никого. Откатил ворота, выехал, закатил обратно. Вчерашняя неудачная попытка сейчас представлялась мне случайностью – проскочил пово-

рот, в темноте свернул не туда, объехал город... Глупо, но сознание сопротивлялось невозможному. Ну что же, солярки ещё три четверти бака и две канистры, кроме того, у той фуры в баке дофига осталось. Покатаюсь. В машине хотя бы тепло. Врубил дальний, «люстру» на крыше и этакой прожекторной платформой поехал из города. Теперь уж точно не пропущу указатели.

Город был тёмный и пуст, и выглядел ещё более неприятно, чем днем. Совершенно пиздецомски выглядел. Собаки не попадались, таинственные выпускатели их – тем более. Так и выехал на трассу без всяких приключений. Ехал не быстро – дорогу подморозило, резина нешипованная, привод задний. Через пятьдесят километров, когда вот-вот должна уже появиться развязка, сбросил скорость до городской, тщательно вглядываясь в указатели. На них было что-то совершенно не то – какие-то невнятные «Васильевки» с «Александровками», которых в любой области как опят на навозе. Не помню, чтобы такие были по пути ко мне. Въехав в город со стороны обратной выезду, удивился разве что тому, что в прошлый раз ехал заметно дольше. Постоял, покурил, выйдя из машины и глядя в освещённую фарами темноту. Семьдесят пять километров от знака до знака, я засек. Глобус «город и окрестности» получится небольшим. Вылил канистру в бак, развернулся, поехал в другую сторону. На этот раз вышло шестьдесят семь. То ли с севера на юг короче, чем с юга на север, то ли глобус уменьшается. Свернул на окружную, по-

том на трассу, ведущую на восток – и въехал с запада через сорок минут и шестьдесят два километра. Обратно обернулся за полчаса и пятьдесят шесть. Можно было попробовать ещё разок – другой, но меня преследовал иррациональный страх, что чем больше я буду кататься, тем меньше будет становиться доступное пространство. Интересно, конечно, проверить, что будет, если оно ужмется до самой городской черты – смогу ли я увидеть въездной знак сразу от выездного? Интересно – но страшно. Заехал в магазин с уже выбитой дверью, чтобы взять ещё бутылку – что-то подсказывало, что она пригодится. В психотерапевтических целях.

Перед входом лежали собаки. Много. Дохлые. Я остановился, не доезжая метров десять, так, чтобы фары светили на разбитую дверь, и взял в руки «шотган». Прождал пару минут – но никакого движения не было. В резком свете и контрастных тенях детали было не разобрать, и я вылез, тревожно водя стволом дробовика. Битое стекло присыпало снегом, и на нём отпечатался чей-то след. Рубчатая подошва «вездеходного» ботинка. Его владелец вошел внутрь, оставил пару грязных отпечатков на полу – что было дальше неизвестно, я не следопыт. Может, он просто проголодался, решил воспользоваться любезно вскрытой торговой точкой, а потом пришли собаки. Пришли – и тут остались. Чтобы определить причину их смерти криминалист не требовался – пулевые отверстия в мохнатых тушках говорили сами за себя. Незвестный любитель пожрать сумел за себя постоять, уло-

жив несколько десятков псин так быстро, что внутрь не попала ни одна. Вопрос – это тот, кто выпустил адского пса из машины, или кто-то другой? Что-то мне это не нравится. Мутный, судя по всему, тип. Впрочем, бутылку я все равно взял. Раз уж приехал.

Вернувшись в «Рыжий замок», я заново развёл камин, немного выпил, пытаюсь смыть вискарём налёт абсурдности с происходящего. Не помогло – голова так и шла кругом, а никаких сколько-нибудь логичных гипотез не возникло. Время к утру, но никаких признаков близкого рассвета – темно, холодно, странно. В городе ни огонька, тишина полная – но где-то там бродит как минимум один вооружённый человек, и он не спешит выйти на контакт, несмотря на то, что мою светящуюся как новогодняя ёлка машину не заметить сложно. Я, в общем, и не думал ни от кого прятаться. Хотя, может быть, стоило бы. Забавно – совсем недавно я переживал, что остался единственным выжившим, а сейчас боюсь, что это не так. Люди так смешно устроены...

Незаметно задремал – и вскинулся от странного звука. Глубокий, низкий металлический... Не сразу понял, что это колокольный звон. Странно было слышать его таким – набатным, без перезвона. Кто-то размеренно, равномерно и гулко бил в большой колокол, и тяжелый резонирующий тон его раскатывался по пустому городу, будя внутри какие-то атавистические позывы к дреколю и вилам.

Звук размывался, переотражался, метался по тёмным улицам, и я никак не мог понять, откуда он идет. Нарезал круги по центру, останавливался, нервно держась за ружьё, опускал стекло, прислушивался... Город старый, соборов и церквей в нём несколько, а отсутствие света отнюдь не способствует ориентированию. Я боялся, что звон прекратится и я уже точно никого не найду, но звонарь попался упорный – лупил и лупил в одном темпе, как заведенный. Бом-бом-бом...

Площадь перед кафедральным собором украшали белые колонны драматического театра и циклопический бетонный памятник. Злые языки утверждали, что изначально это был скульптурный портрет Железного Феликса – на эту мысль наводила суровая угрожающая поза и военного образца шинель. А на табличке значился местный писатель, хотя и достигший всероссийской известности, но масштабу монумента никак не соответствовавший. Фамилию коллеги я, к своему стыду, запомнил, но его одутловатое доброе лицо смотрелось на милитаризованном туловище огромного монумента совсем чужеродно, что подчёркивалось слегка ошарашенным этого лица выражением. Похоже, что покойный писатель сам был удивлён таким странным увековечиванием...

Колокольня собора была так же темна, как всё остальное, но окна церкви неярко светились, а набатный звон раскатывался над площадью, достигая почти зримой плотности – его

волны отражались от стен облезлых пятиэтажек, путались в колоннах театра и обтекали бетонный постамент памятника. Перед храмом стояли, сидели, двигались, обтекая плотной массой ступени паперти, собаки. Такое количество собак сложно себе представить – навскидку их было... До черта. Впечатление, что на площади собралась все псы города и окрестностей, пригласив заодно друзей и родственников из соседних регионов. Площадь состояла из одних собак. Чтобы добраться к собору, пришлось бы ехать прямо по ним.

– Что за слёт любителей колокольного звона? – сказал я вслух, растерявшись от такого мощного зрелища. Свет фар и верхних фонарей машины заливал площадь белым контрастным потоком, но собаки в мою сторону даже головы не повернули. Их лохматые носы смотрели в одну точку – и это была даже не дверь собора. На возвышении неработающего фонтана с колосьями и грудастыми бабами стояли... Двое и двое. Два тёмных, как будто из чёрной бумаги вырезанных силуэта – и два огромных чёрных пса рядом с ними. Силуэты были как бы человеческими, но назвать их таковыми не поворачивался язык. От них исходило такое ощущение чуждости, невозможности, недопустимости – как будто это дыры в форме людей в бесформенных балахонах. Дыры в бездну, полную ужаса, смерти и говна. Да, именно говна – ощущение было такой интенсивности, что воспринималось не глазами, а всеми чувствами сразу. От них резало слух, чесались зубы, зудели руки и смердело говном – хотя никакого звука

или запаха как таковых не было. Нечто настолько омерзительное, что должно было быть немедленно устранено из этого плана бытия. Любой ценой и любыми средствами. Это была не мысль, а прямое руководство к действию, команда, которую отдало телу что-то более древнее, чем мозг. Я встал на подножку, дослал патрон, положил цевьё «Вепря» на открытую водительскую дверь, прицелился, выбрал слабинку спускового крючка, выдохнул, задержал дыхание, и... Промазал. С жалкой полсотни метров по отчётливо видимой крупной мишени.

Опытные герои моих пиздецом сейчас смеялись бы надо мной своими мужественными хриплыми голосами. «Придурок», – сказали бы они, презрительно сплёвывая сквозь зубы, – «Кто же полагается на оружие, из которого даже ни разу не выстрелил?». Они бы, конечно, не забыли пристрелять новообретённый ствол, отрегулировать прицел или хотя бы убедиться, что эта штука вообще стреляет туда, куда ты из неё целишься, а не куда там на заводе мушку вкрутили. В резком и ограниченном свете фар я даже не понял, куда именно ушла пуля. Тёмные силуэты повернулись ко мне, но лиц под капюшонами балахонов я не увидел. Может, и к лучшему, потому что ощущение непереносимой мерзости усилилось настолько, что у меня, кажется, начало останавливаться сердце. Оставшиеся в магазине девять патронов я выпустил с рук, не целясь. Как минимум одна из пуль, ведомая

богами случайного распределения, попала в цель – балахон дёрнулся, полетели чёрные брызги, давление непереносимости резко ослабло, позволив мне вдохнуть.

– Что, не нравится, суки? – банально, но искренне орал я, пытаюсь заменить магазин. Он сначала не отстёгивался, потом вдруг отвалился и канул куда-то под ноги, потом оказалось, что хранить запасной в застёгнутом кармане жилетки – так себе идея. «Молнию» заело, и я дергал её туда-сюда, обдирая пальцы и с каждым рывком ухудшая положение. В конце концов, язычок замка просто оторвался. Мои герои сейчас ржали бы в голос, сгибаясь от хохота в своих удобных модульных разгрузках, полных соединённых попарно специальными клипсами магазинов, которые они моментально меняют «подбивом», что бы это ни значило. А мне даже крикнуть «прикрой, перезаряжаюсь» было некому. Когда я, отчаявшись, кинул «Вебря» на сиденье и подхватил вместо него дробовик, на постаменте фонтана уже никого не было. Зато собаки, наконец, обратили на меня внимание. Разом – все сто тыщ мильёнов, или сколько их там было. Они развернулись, двинулись к машине и я, с семьёю патронами в шотгане, вдруг остро почувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Мне вдруг очень захотелось в кресло у камина. Ну, то, что за трёхметровым забором, стальными воротами и бетонными стенами. Очень мне сейчас его не хватало.

Стартовал я довольно бодро – расшвыряв первых собак бампером, практически уже развернулся. Если кого-то и на-

мотало на зубастые покрышки, то это их проблемы. А потом в борт врезалась чёрная туша – да так, что меня мотнуло, и зубы клацнули. Как будто водительскую дверь боднул носорог.

– Ого! – сказал себе я и врубил вторую.

Бац! – удар пришелся в кузов, и пустую корму занесло на подмороженном асфальте. На капот вспрыгнула чёрная псина, навалившись всей тушей на стекло, и я перестал понимать, куда еду. Двинулся наугад, впёрся в кусты, сдал назад, надеясь сбросить собаку, но не преуспел – обо что-то треснулся кузовом, кажется об постамент памятника. Окончательно потеряв ориентацию, нажал на газ, буксуя не то в снегу, не то в собаках, и, набирая скорость, успел даже переключиться на третью. А потом со всего разгона врезался в низкий бетонный заборчик на краю площади. Машина треснулась в него мордой, подпрыгнула и повисла. Я полетел вперёд, и меня приветливо встретила выстрелившая в лоб подушка безопасности. Мотор заглох, фары погасли, из вентиляции потянуло вонючим дымом горячей изоляции. Я сидел, мотая головой в полунокауте, и терзал стартер, но двигатель не заводился. Темнота рычала и била в борта мохнатыми телами. Стрелять не было смысла – только стёкла повышибаю, и тут-то мне и конец. Лобовик и так уже пошел трещинами, помутнел и держался только на плёнке триплекса. Один-два хороших удара – и вот он я, берите-ешьте.

Но как я это вижу, если единственным источником све-

та осталась лампочка «Check Engine» на панели? За окном нарастало рычание мотора, приближался свет фар. Массивное транспортное средство с хрустом притёрлось к пикапу вплотную. Стойку повело, триплекс окончательно выдавился бугром наружу.

– Быстро сюда, ну! – заорал уверенный командный голос. – Бегом, бля, бегом, шевели булками, собачий корм!

Тра-та-та! – раскатилась над площадью короткая очередь.

Я высадил многострадальный лобовик прикладом разряженного «Вепря» и неизящно, полураздавленным червем, выкрутился на капот. В пикап уперся острый нос чего-то угловато-военного, из водительского люка торчит человек, совершенно неразличимый из-за фар. В руках у него ручной пулемет, из которого он садит в темноту короткими экономными очередями. Путаюсь в ремнях «Вепря» и шотгана, я перепрыгнул на броню и провалился в открытый люк, стучась об края и обдираясь об железяки.

– Закрывай, не тупи! – орал неизвестный спаситель.

Я на ощупь захлопнул стальную створку, чуть не лишившись пальцев.

– Граната, бойся! – за бортом грохнуло, по броне цвиркнуло осколком, но водитель уже сидел на месте, закрыв люк. Взревел оглушительный в стальной коробке мотор, и бронемашина рванулась вперед. Я повалился на сиденье, взыв от врезавшегося в копчик острого угла. Подо мной оказался автомат Калашникова, на который я и уселся с размаху. Авто-

мат и не такое переживёт, а вот мне было больно.

– Весело тут у вас, в городе! – заорал, перекрикивая двигатель, неизвестный.

– Обхохочешься, – мрачно сказал я в ответ.

– Громче, не слышу!

– Да! Весело! – прокричал я. – Чисто цирк!

– Добавим огоньку!

Водитель тормознул так, что я едва не врезался башкой в какое-то железо, откинул люк и, привстав, выставил в него пулемет.

– Там автомат есть, бери, не стесняйся! – щедро предложил он и шарахнул куда-то в темноту длинной очередью.

Я воспользовался любезностью, не без труда вытащив в тесноте из-под своей задницы длинное «весло» старого «калаша». Откинул лючок, высунулся – и чуть не лишился головы, возле которой клацнули челюсти кого-то огромного и чёрного.

– А-а-а, бля! – негероически завопил я, валясь обратно на сиденье.

– Вот падла прыгучая! – водитель извернулся в своем люке и шарахнул из ручника в сторону. – Ага, получил!

Я рискнул вылезти снова – и в свете фар увидел разбегающихся в разные стороны собак. Площадь перед собором быстро пустела. Собачьих трупов осталось немало, но ни одного достаточно большого и чёрного я, к сожалению, не увидел.

– Противник деморализован и в панике оставляет поле боя, – прокомментировал он. Будем считать это победой. В тактическом, конечно, смысле. Борух.

– Что?

– Борух – это я. Майор Мешакер. Будем знакомы.

– Артём. Писатель неопределённых занятий.

– Серьёзно? Настоящий писатель?

– Серьёзно? Настоящий майор? – в тон ему ответил я.

– Ну, есть нюансы, – признался он, – но, в целом, скорее настоящий, чем нет.

– Вот и у меня та же фигня.

– Ладно, подробности потом, – деловито заявил майор, – а сейчас давай посмотрим, кто на колокольне хулиганит.

Чувствовалось, что неизвестный звонарь подвыдохся – удары колокола стали реже, ритм сбивался. Мы с майором вылезли из машины – я, наконец, опознал её как старую БРДМ-ку, – и подошли к воротам собора. Навстречу нам сползала по ступенькам, волоча задние ноги и повизгивая, крупная лохматая собака. За ней оставался кровавый след. Военный достал из кобуры пистолет и, вздохнув, выстрелил ей в голову. Одиночный выстрел гулко раскатился по площади.

– Я так-то собак люблю, – сказал он с сожалением, – но...

Толкнул дверь – она оказалась заперта. Постучал рукой, попинал ботинком, грохнул несколько раз прикладом – реакции не было.

– Открывайте, эй! – заорал я из всех сил, но тщетно.

– Да чёрта с два они нас слышат, – сказал майор, – оглохли, небось, уже от своей звонилки.

Двустворчатые массивные двери собора не располагали к взлому – толстые, деревянные, с железными накладками, на массивных кованых петлях. Такие только взрывать. Но у военного было другое мнение.

– Один момент, – он резво побежал к своему броневичку и ловко залез туда через задний люк. Где только раздобыл такую древнюю трахому? Это же как бы ни пятидесятых годов модель.

БРДМ-ка рыкнула мотором, хрустнула раздаткой и небыстро, но целеустремленно полезла по ступенькам. Острый угол бронированного носа ударил в середину дверной створки – и просто расколол её пополам. Одна половина повисла на петлях, другая – на внутреннем засове. В образовавшуюся щель вполне можно было пролезть даже самому толстому священнику.

Впрочем, нам достался какой-то худой. На рычаге колокольного привода болтался совсем не впечатляющей комплекции батюшка. Молодой, невысокого роста, в драном подряснике, он тянул кованый рычаг вниз всем весом. Сверху раздавалось могучее «баммм». На противоходе рычаг его отталкивал, но тот не сдавался, повисал снова. Глаза его были полузакачены и слегка безумны. Длинные, связанные в хвост волосы и небольшая рыжеватая борода промокли от

пота. Нас он даже не заметил. Церковь была тускло освещена десятками тонких свечей и крошечными огоньками лампад, но совершенно пуста. Отчего-то я ожидал тут увидеть молящихся прихожан, успокаивающих их священников, бьющих-ся в религиозном покаянии грешников, проповедей о Конце Света... Проклятые писательские штампы.

– Всё, хватит, ну, кончай уже! – майор решительно поймал за плечо кинувшегося на очередной приступ рычага батюшку. Тот обвел нас невидящим взглядом, дёрнулся к приводу, но Борух держал крепко.

– Все, кто мог, уже услышали, – сказал я, – и это как раз мы. Вряд ли вы сегодня соберёте аншлаг.

– Эка его заколбасило-то! – сказал Борух с уважением. – Упёртый мужик!

Подхватив священника с двух сторон, вежливо, но крепко, мы повлекли его к выходу. На ступеньках он остановился, покрутил головой, и вдруг отчетливо сказал: «Демоны!»

– Кто, мы? – обиделся Борух. – Сам ты...

– Демоны пришли, – сказал батюшка решительно, – адские псы. Чёрные птицы. Последние дни настали.

На этом заявлении силы его покинули, и он повис у нас на руках в полубессознательном состоянии. В люк машины его пришлось затаскивать буквально волоком. Устроив найдёныша на свёрнутом брезенте в кормовом отсеке, майор с облегчением полез руль.

– Придержи его там, писатель! А то он, неровен час, опять

звонить побежит... Вон, демоны ему мерещатся...

– Если честно, насчёт демонов, – неуверенно сказал я, – уже готов скорректировать свою картину мира.

– Вот не надо этого! – укоризненно сказал Борух. – Береги рациональное в себе. Пригодится. Слушай, а есть у тебя какой-никакой ППД?³ А то я тут, можно сказать, приезжий...

– Да, засквотил⁴ явочным порядком нечто вроде крепости... Практически феодал теперь. Барон Рыжего Замка.

– Крепость – это именно то место, где бы я хотел очутиться!

– Приглашаю!

Заглушив мотор и оглядевшись, майор уважительно покивал:

– Мощная цитадель. Сюда человек тридцать бы гарнизону... Со средствами усиления, конечно. Вон там миномётник поставить, тут – пушечку противотанковую, или расчет с ПТР...

– Чего нет – того негде взять, – пожал плечами я, – давай попа в дом оттащим, а то как бы он не простыл в тряпочке своей. Не май месяц.

Действительно, священника уже изрядно потряхивало – то ли от холода, то ли от нервов. Зато он почти пришел в себя и вылез из бронемшины сам, хотя посматривал вокруг

---

³ ППД – пункт постоянной дислокации

⁴ «Засквотить» – от «сквоттинг» (англ. Squatting) – акт самовольного заселения покинутого или незанятого места или здания.

диковато, периодически встряхивая головой, будто отгоняя морок. В донжон мы его отвели под руки, усадили в кресло перед потухшим камином и всунули в руку полный стакан вискаря.

– Выпейте, батюшка! – сказал Борух. – Не пьянства окаянного ради, а в лечебных исключительно целях.

Священник непонимающе смотрел на стакан, рука его дрожала, и по поверхности благородного напитка бежала крупная рябь. На лице у него были свежие, едва подсохшие царапины, взгляд рассеян.

– Может, у него пост сейчас? – неуверенно предположил я. – Не силен в традициях.

– Ну, так я ему не колбасу предлагаю, – ответил Борух. – Вискарь – он вполне кошерный... То есть, постный. Исключительно из ячменя делается. Да пейте вы уже, святой отец! А то выдохнется!

– Чёрт лысый тебе отец! – неожиданно рявкнул священник и единым глотком опростал стакан. Резко выдохнув, он добавил уже потише. – Нехристь иудейский...

– Чо сразу «лысый» -то? – обиженно сказал майор, рефлекторно пригладив отступившие со лба волосы. – Оклепались, как я погляжу, батюшка?

– Чёрт лы...

– Да, да, понял, – перебил он без малейшего смущения. – Чёрт лысый мне батюшка, иудейскому нехристю. А вы, поди, херувима там вызванивали? С огненным... Что там у херу-

вима огненное, Артём?

Я решил не называть первое, что пришло в голову по созвучию, а священник насупился и ткнул в мою сторону пустым стаканом. Я наплескал половину, однако он лишь дёрнул требовательно рукой. Долил доверху, с тревогой оценивая незначительность остатка в бутылке. Поп мрачно заглянул в ёмкость, зачем-то понюхал и лихо опрокинул содержимое в рот.

Помолчали. Подумали.

– И всё ж таки, ба... ну ладно, как вас называть-то? – не унимался майор.

– Олегом крещён, – мрачно сказал священник.

– Видал, Артём, какой нам суровый батюшка попался! Вы, отче, часом, не антисемит?

– Такого греха не имею, – ответил пришедший в себя Олег. Принятые на голодный желудок двести грамм алкоголя вернули ему живость во взгляде.

– Тогда давайте не будем ругаться, – примирительно сказал Борух, – чего это вы раззвонились-то, на ночь глядя?

– Так свету, вестимо, конец пришёл. Демоны вокруг, псы адские, люди пропали все...

– Так вы, выходит, бесов гоняли?

Олег вздохнул и выразительно покрутил пустым стаканом. Я вылил туда остатки виски – набралось чуть больше половины. Священник степенно отхлебнул, поставил стакан на столик и покрутил головой в поисках закуски.

– Закусь только скромная, батюшка. Сосиски.

– Не человек для поста, но пост для человека! – назида-
тельно сказал Олег. – Давай их сюда. Кстати, до Рожествен-
ского поста месяц ещё почти, а пятница, вроде, кончилась.
Или нет? Как-то я потерялся... Эй, воин иудейский, насту-
пил твой шабат?

– Если бы наступил, – хмыкнул Борух, – то я, как истин-
ный харедим, мог бы только благостно смотреть, как вас со-
бачки кушают. Мне Тора запрещает в шабат к пулемёту при-
касаться.

– Seriously? – удивился я.

– Нет, конечно, – рассмеялся майор, – я не соблюдаю за-
ветов. И, – он внезапно стал серьёзным, – не веду религиоз-
ных споров. Так что не надо разжигать. Давайте сюда вашу
сосиску, буду бороться с её некошерностью.

Мы разорили коллекцию декоративных пырялок на стене
и пожарили себе по сосиске в разведённом заново камине.
Дров к нему осталось, кстати, совсем чуть, и в зале было хо-
лодней, чем хотелось бы.

– Так чего вы раззвонились-то, на ночь глядя? – поинте-
ресовался Борух.

– А что ещё делать, если Судный День пришел? – спокой-
но ответил Олег, допивая виски. Мы с майором проводили
его стакан внимательными пристальными взглядами. Эх, на-
до было две бутылки смародёрить. Или пять.

– А он таки да?

Батюшка строго кивнул.

– Ой, – коротко прокомментировал военный.

– Я плохо помню первоисточники, – сказал я неуверенно, – но это вроде как-то иначе должно выглядеть. «И первый всадник вострубил...»

– Всадник! – вплеснул руками батюшка. – Почему всадник-то? Конь ещё, скажи, вострубил у тебя. Подхвостною трубою!

– Конь над ним взоржал, – поддержал его Борух.

– Ну ладно, оговорился, подумаешь! – сказал я, лихорадочно припоминая, кто там трубил-то по тексту. Помню, с полынью еще как-то связано, но не уверен, как именно.

– Пророчества надо понимать метафорически, – сказал Олег, – если это не Судный День, то что?

– Пиздецома, – сказал я тихо себе под нос. Ещё не хватало объяснять, что это такое.

– И всё же, Олег, – не унимался майор, – расскажите, как вы провели этот Армагеддон?

Глава 8. Олег

Люди приходят к служению разными путями. Большинство российского священства – династическое. Дед был попом, отец тоже, ну и сын идёт по той же стезе, другой не зная. Это не плохо и не хорошо – это по-человечески. Есть те, кто попадают в этот круг более-менее случайно, на волне ли моды, по душевному ли порыву – но они редко задерживаются надолго. Священство не зря называют «служением» – во многом оно похоже на службу в армии. Мало героизма и подвижничества, много ежедневной рутины и скучного труда. Очень мало свободы, жёсткая вертикаль и суровая субординация. Нет на свете организации более консервативной, чем церковь.

Но есть те, кого, как говорится, «Господь приводит». Люди настолько чувствительные к несовершенству мира и страданиям людей, что не находится для них простой судьбы. Обычно они глубоко травмированы чем-то внутри, жизнь шрамировала их, обнажив нервы. Только испытавший большую боль человек может понять её в других. Только ушибленный судьбой может помочь таким же. Иногда они приходят в священство, но и на этой стезе им не бывает легко. Им нигде легко не бывает.

Олега, несмотря на молодость, жизнь успела изрядно пожевать и далеко выплюнуть. Рано осиротевший, он стал опе-

куном младшим братьям, но не уберёг от беды и потерял обоих. Не по своей вине, но без прощения. Потерял жильё и немногочисленное имущество, потерял здоровье и сбережения в попытках их спасти... Не спас. Иногда даже самых запредельных усилий недостаточно.

Но если кто-нибудь другой так и растёкся бы плевком по стене, то он не сдался, не впал в соблазн лёгких путей, а взялся помогать другим. Тем, кто, как и он, потерял – кто здоровье, кто жильё, кто разум, кто способность противостоять соблазну алкоголя, а чаще всего – всё это вместе. Это не самым очевидным образом и не сразу, но привело его к Церкви, недостатки которой он старался не замечать – и до поры довольно успешно. Дерьмо всплывает кверху, а до тех, кто внизу, никому дела нет.

В любовно поднятой из руин пригородной церковке призывал он всякого, и каждому находил нужное слово (иногда и крепкое), поучение и настояние. Давал посильное занятие, скромную помощь, и, по возможности, душевный покой. На свете полно людей, для которых и это немного – спасение.

Пять лет он делил своё внимание между прихожанами и стройкой, восстанавливал храм, добывал средства, принимал помощь, раздавал помощь, крутился между жадными и нищими, злыми и голодными, тщеславными и впадшими в ничтожество, глупыми и слишком верящими в разум. Всё это время его поддерживала только жена – некрасивая, но добрая девушка, такая же сирота, как и он. Детей им бог не

давал, но они не теряли надежды.

Олег не читал того, что написала о нём та девушка. Однако она удачно попала со своим постом в какие-то медиатренды, собрала тысячи лайков, и каждый «духовный хипстер» в городе решил: «Вот он, настоящий жизненный коуч и реальный гуру личностного роста! Вот кто расскажет мне, как вырасти над собой и добиться успеха! Что особенно приятно – задаром...». Забросив гироскутеры и электросамокаты, они вбили адрес деревни в приложение такси – и началось.

Когда на его воскресной проповеди вместо двух десятков деревенских и десятка трудников впервые оказалось полсотни молодых лиц, он удивился, но не отступил. Пытался говорить так, чтобы им стало интересно. О самых простых вещах – об отношениях и ответственности, о людях и доброте, о том, куда ведут легкие пути, которых так много вдруг стало вокруг. Его слушали молча, ошетинившись камерами телефонов. На него как будто смотрел фасетчатый глаз неведомого, распределенного между устройствами, существа. Но Олег не стал запрещать телефоны в храме. Вместо этого он, наоборот, запретил деревенским укорять за это молодёжь – так же, как за непокрытые головы и шорты. Через неделю небольшая церковка уже с трудом вместила собравшихся. Сам того не зная, Олег стал звездой социальных сетей – видеоролики собирали много просмотров, выложившие их получали рекламу и подписчиков, и процесс шел по нарастающей.

Олегу было сложно говорить перед этой аудиторией, ему всё время казалось, что они не слушают его по-настоящему, а только откликаются на какие-то отдельные слова. Но это тоже было служением, и он старался, как мог. «Несу слово божье новым язычникам», – смеялся он наедине с женой. Тяжелее было другое – новые прихожане («приезжане» – в шутку называл их Олег за то, что площадка перед храмом превратилась в парковку такси) настойчиво требовали его внимания. Никто из них не подходил к исповеди – они, как и положено язычникам, не ведали греха. Просто не понимали, что это такое. Однако после службы к нему выстраивалась очередь жаждущих индивидуального общения. К сожалению, все они желали говорить только об одном – о себе. Им требовалась даже не индульгенция – зачем она тем, кто безгрешен? – а церковное утверждение их совершенства. Каждый из них был жесточайшим, не допускающим колебания образом догматичен – и предметом их веры были собственная непогрешимость, неотъемлемое право судить и абсолютная монополия на истину. Каждый из них, даже называющий себя атеистом, совершенно точно знал, каков из себя Бог, что он думает и как смотрит на вещи. От Олега требовалось лишь подтвердить это, как будто приложив церковную печать к тексту: «Предъявитель сего ни в чём не виноват, поскольку один среди мудаков в белом пальто стоит красивый». Больше всего его расстраивало, что любое сказанное им слово расценивалось как таковая печать. Они не

слушали, что он им говорит. Они выцепляли слова, из которых могли сложить одобрение себе – и складывали. За недоугом, Олег не читал социалок, иначе расстроился бы ещё больше...

Как у всякой хайповой персоны, появились у Олега и хейтеры. Они писали гадости про него, про его жену, про его прихожан, про его церковь и про его веру. Феминистки находили в его проповедях невообразимый сексизм, либералы – отвратительную «скрепность», патриоты – недостаточную восторженность. И каждый первый обвинял его в лицемерии и хайположестве – будучи совершенно уверен, что помогать людям можно только ради медийности собственной персоны. Люди выдумывали ему тайные капиталы, прикрываемые показной бедностью и тайные пороки, которые просто обаяны скрываться за непубличной благотворительностью. Его объявляли педофилом, педерастом, алкоголиком, растратчиком, развратником, держателем криминального общака, отмывщиком денег олигархии, евреем и сатанистом. Не потому, что имели что-то против него лично, а просто на негативе легче срубить хайп – а значит просмотры, подписчиков и рекламу.

Сам Олег всего этого не читал, но другие читали. Посыпались проверки и разбирательства, приехала контрольная комиссия от епископата. То ли искали утаённые миллионы, то ли подозревали в ереси обновленчества – Олег так и не понял. Нашли, конечно. Где-то чек на кирпич не сохранил-

ся, где-то помощь сиротам из храмовой кассы не была надлежаще оформлена, а пуще всего – недостаток смирения выявился. От Олега ждали покаяния, а он никак не мог понять, в чём виноват.

А потом всё кончилось. Олега без объяснений лишили собственного прихода, отправив седьмым попом в пригородный собор, где он фактически должен был выполнять обязанности дьякона. С трудом и кровью восстановленный храм, на который Олег положил пять лет жизни, передали только что рукоположённому юнцу – то ли нелюбимому родственнику, то ли отставному любовнику митрополита. И в этот же год, не сумев оправиться от подхваченной в стылом общежитии пневмонии, тихо скончалась жена. Это был полный крах, и Олег усомнился. Не в Боге, нет – но в себе. Тем ли он занимался эти пять лет? Если это было нужно Богу, то почему он допустил свершиться такой несправедливости? Если же было не нужно, то что же ему надо? Обретённый, было, смысл жизни растворился, оставив в душе кровоточащую пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.